

© А.Т. Марутян

Геноцид армян: память и идентичность

Ключевые слова: Геноцид армян, коллективная память, Карабахское движение, независимость, «помню и требую», канонизация мучеников, Нагорный Карабах, этническая чистка

В статье рассматриваются некоторые аспекты антропологического исследования памяти Геноцида армян и ее влияние на формирование идентичности в конце XX — начале XXI вв. В частности, влияние Карабахского движения в Армении (1988–1990) и особенно погромов армян в Сумгаите (27–29 февраля 1988 г.) на формирование лидирующего положения памяти о Геноциде, которая в своем развитии привела к росту политической зрелости народных масс, изменению сформировавшихся веками и десятилетиями стереотипов, переосмыслению прошлого и настоящего. Для предотвращения будущих геноцидов осознавалась необходимость коренных политических преобразований в обществе, а именно — создания независимого государства. Фактически в случае Карабахского движения память о Геноциде становится тем средством, которое позволяет осуществить демократические реформы. Этот процесс показан с помощью анализа иконографии (транспарантов и плакатов), созданной во время Движения.

Во второй части статьи рассматриваются отдельные эпизоды памяти Геноцида армян в связи с мероприятиями, отмечавшими его столетие в 2015 г. Во Всеармянской декларации к 100-летней годовщине Геноцида армян было обозначено, что главным лозунгом станет выражение «Помню и требую». В статье ставятся вопросы: кого, что и как помню, что, у кого и как требую? Делается анализ только двух вопросов: кого помню и как помню.

Кратко изучается тема «спасения» армян турками и курдами во время Геноцида. Исследования показывают, что так называемые «спасения» сопровождалась грабежом, половой и экономической эксплуатацией, требованием веротступничества, нарушением обещаний спасения и убийством «спасенных». Если коротко — «спасали» из корыстных соображений, действия «спасителей» не несли для них никакого риска. Иначе говоря, если руководствоваться международными критериями, истинных спасений было ничтожно мало, и их акцентирование преследует только политические и пропагандистские цели. С позиции этнографа рассматривается также канонизация жертв Геноцида, имевшее место 24 апреля 2015 г.

В заключении кратко рассматривается факт повторения геноцида сто лет спустя, а именно — этническая чистка, которая имела место в Нагорно-Карабахской Республике в 2023 г. Делается заключение, что со всей очевидностью это приведет к образованию нового слоя коллективной памяти армян.

Марутян Арутюн Тиранович – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, зав. отделом Музея-института Геноцида армян. hmarutyan@yahoo.com <https://orcid.org/0000-0002-9187-623X>

Для цитирования: Марутян А., Геноцид армян: память и идентичность // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 68-111. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/68-111>.

В армянской исторической мысли тема Геноцида армян (1915–1923) — самая исследованная. В течение последних 120 лет на эту тему на армянском и многих иностранных языках вышли в свет тысячи публикаций: мемуары, свидетельства очевидцев, статьи, монографии, сборники документов и т. п. Огромная информация содержится на страницах периодической печати, издаваемой как в годы Геноцида, так и в последующие десятилетия. Вследствие гигантских человеческих, территориальных и культурных потерь, причиненных Геноцидом, сформировался слой травматической памяти, который по сей день в значительной степени обуславливает особенности коллективной памяти армянского народа. Тема Геноцида в совокупности со связанными с ней темами своим масштабом и силой воздействия во многом «закрывала» изучение других драматических событий, произошедших в течение XX в.: тем, касающихся установления советской власти и в целом истории и культуры Советской Армении, сталинских репрессий, Великой Отечественной войны, Карабахского движения и Арцахских войн.

В антропологическом исследовании Геноцида армян, пожалуй, можно выделить как минимум два этапа: накопление материалов и создание источниковедческой базы, и затем — осуществление специальных исследований. Введение в научный оборот новых источников (я не имею в виду документы) продолжается по сей день. Как в Армении, так и в диаспоре печатаются мемуары переживших Геноцид¹; в фонде Шоа (США)² и Американском университете Армении³ ведется работа по расшифровке записей свидетельств переживших Геноцид; семейные истории находят место на страницах европейской базы данных «Ушаматьян»⁴ и т. д. Продолжается освещение темы Геноцида в литературе и искусстве с целью «рассказать то, что рассказать невозможно»: издаются художественные произведения в прозе и в стихах, создаются полотна, снимаются художественные и документальные фильмы, ставятся пьесы и моноспектакли, сочиняются реквиемы, песни. Тема Геноцида находит место и в исследованиях, посвященных диаспоре.

Антропологический этап изучения темы Геноцида, как нам кажется, и в Армении, и в диаспоре главным образом обусловлен распространением теорий коллективной памяти и национальной идентичности, которое хронологически относится к 1980-м–1990-м годам. Я затрудняюсь припомнить какое-либо антропологическое исследование, сделанное собственно на материале

¹ В 2020 г. в Музее-институте Геноцида, где хранится около 300 в основном неопубликованных мемуаров армян, создана серия «Мемуары переживших Геноцид армян». По предварительным подсчетам, можно будет издать до 100 томов воспоминаний. За последние четыре года издано 12 выпусков.

² The VHA [Visual History Archive] currently contains 824 interviews relating to the Armenian Genocide. Over three hundred of them were recorded between 1975 and 2005 by filmmaker J. Michael Hagopian and the Armenian Film Foundation. They were recorded in 13 different countries and in ten different languages including: Arabic, English, Armenian and Turkish. Richard Hovannisian's oral history collection was added to the Visual History Archive in 2018. Подробнее см.: <https://sfi.usc.edu/collections/armenian>

³ Genocide survivor testimonies now accessible at the Zoryan Institute-AUA Center for Oral History. April 21, 2023. <https://armenianweekly.com/2023/04/21/genocide-survivor-testimonies-now-accessible-at-the-zoryan-institute-uaa-center-for-oral-history/>

⁴ Подробнее см.: <https://www.houshamadyan.org/introduction/what-is-houshamadyan.html>

периода Геноцида. С некоторыми оговорками в этом ряду можно назвать указанные в 1990-е годы исследования Дональда Миллера и его супруги Лорны Дурян-Миллер (*Miller, Touryan-Miller* 1993), а также работы Вержине Свазлян (*Svazlyan* 1994; 1995; 2000), основанные на устных историях. Книга В. Свазлян «Геноцид армян и историческая память» (*Svazlyan* 2003), вышедшая на пяти языках, также основана на анализе устных историй, собранных ею на протяжении десятилетий, и носит больше фольклороведческий характер.

КАРАБАХСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ

Антропологические исследования связи памяти о Геноциде с идентичностью армян также начались в 1990-х годах и главным образом касались Карабахского движения (февраль 1988 — август 1990 гг.). Почему? Провозглашенная в середине 1980-х годов руководством КПСС политика перестройки, демократизации, гласности спустя несколько лет нашла проявление в Карабахском движении, которое будет правильнее называть «Армянской революцией» (*Sunyu* 1993: 192–212, 231–246), так как оно своими результатами привело к изменениям революционного характера в политической и общественно-экономической жизни общества. По нашему убеждению, Карабахское движение было первенцем в ряду восточноевропейских революций 1989 г. и как таковое сыграло большую роль в деле демократизации советского общества (*Марутян* 2004; 281; 2013а; 2020а; 2020b).

Начало Движения было обусловлено требованием в большинстве своем армянского населения Нагорного Карабаха, входящего в состав Азербайджанской ССР, о выходе из состава Азербайджана и воссоединении с Арменией. Причем в качестве основного аргумента выдвигалось принятое под давлением Сталина несправедливое решение кавказской региональной единицы (Кавбюро) Российской коммунистической партии (большевиков) в 1921 г. В феврале 1988 г. в Ереване начались массовые митинги, которые спустя некоторое время, охватив самые широкие слои армянского общества, стали известны под названием «Карабахское движение».

Изучение Движения показывает, что карабахская проблема, являвшаяся его политической сверхзадачей, зачастую служила фоном для выявления и решения многих других жизненно важных вопросов, волновавших общество. На первый план выдвигались проблемы, борьба за решение которых становилась катализатором Движения, его движущей силой. Так, произошедшая 27–29 февраля 1988 г. в г. Сумгаите кровавая бойня местного армянского населения переместила карабахский вопрос из сугубо юридической плоскости в этническую сферу. Эти события разбудили в армянах также память о Геноциде 1915–1923 гг. С этого времени тема Геноцида постепенно становится доминирующим направлением в Движении. Наши исследования (*Marutyanyan* 2009; 2013а; 2013b; 2018а; 2019; 2020а; 2020b; 2021а; *Marutyanyan, Abrahamian* 2022) показывают, как борьба, направленная на признание Геноцида 1915–1923 гг. в Османской империи и признание геноцидом событий в Азербайджане 1988–1990 гг., выявление его возможных виновников и оценку судебного процесса в их отношении приводила к а) росту политической зрелости народных масс; б) изменению сформировавшихся веками и десятилетиями стереотипов; в) переосмыслению прошлого и настоящего; г) для предотвращения будущих геноцидов осознавалась необходимость коренных политических

преобразований в обществе: люди поняли, что хотя бы только для решения вышеприведенных задач необходимо изменить существующую советскую модель управления обществом.

Ставшая доминирующим направлением Движения тема Геноцида и основной идейный стержень народных выступлений, выражающий требование воссоединения Карабаха и Армении, составляли пробуждение исторической памяти, опирающейся преимущественно на события, касающиеся последних одного-полтора веков, и идею исторической справедливости.

Исследование материала показывает, что тема Геноцида армян, включающая *Мец Егерн* (досл. «Великое злодеяние» — ред.) начала XX в. и новые погромы и резню конца XX в., в годы Карабахского движения продолжала быть важнейшим проявлением коллективной и исторической памяти армян. В то же время рассмотрение транспарантов Движения создало убеждение, что эта память находилась в процессе трансформации. Попытка выйти из кризиса конца XX в. сопоставляется с борьбой, направленной на преодоление кризиса начала XX в, одним из проявлений которой было то, что образ жертвы, ищущей справедливости и сочувствия, уступает свое место образу борца, который осознает, что осуществления национальных целей можно достичь только путем борьбы (*Marutyan 2009: 277*).

Таким образом, тема Геноцида в Карабахском движении, выйдя за рамки боли и скорби, характерные для начального этапа, побуждала людей к активным действиям, которые в конце концов завершились формированием нового парламента, на который возлагались надежды на коренные изменения, провозглашение независимости Армении, успехи в борьбе за освобождение Арцаха (*Marutyan 2009: 277*).

* * *

Ниже подробнее рассматривается развитие темы Геноцида армян в годы Карабахского движения.

Карабахское движение с начала до конца направлялось снизу. Это было обусловлено тем, что в годы Движения люди существенно изменились: участник февральских митингов 1988 г. разительно отличался от участника демонстрации 24 апреля 1990 г. Этот процесс очень хорошо виден при анализе иконографии, созданной во время Движения. Способ фиксирования, сохранения и передачи информации посредством изображения разных сторон деятельности человека известен издревле, он остается довольно результативным и действенным по сей день.

Изображения и письменные формулировки — плакаты и транспаранты — в профессиональной среде оцениваются как одно из красноречивых проявлений национальной идентичности. Они, как правило, появляются в большом количестве в критические для общества моменты: сопровождают революции, массовые народные выступления, коренные изменения в жизни страны, иногда длящиеся годами и т. д. (*Hanaway 1985; Fischer, Abedi 1990; Смаф, Зенкин 1991; Laha 1991; Senjkovic 1993; Europe Without Walls 1993; Cultural Representations 1997; Craven 2002*). Часто являясь непосредственными мар-

керами народных настроений, а в некоторых случаях создаваясь со стороны политических сил, транспаранты содержат огромную информацию о своем времени, помогают лучше его понять. Они представляют собой своеобразные узлы идентичности, к которым тянутся многочисленные и разнообразные нити. Раскрытие этих узлов — своеобразных микрокосмов — позволяет рассматривать явления макрокосмического характера.

Транспаранты — иконографические «свидетели» общественных процессов — обычно сразу откликаются на изменение ситуации, поэтому по ним очень удобно отслеживать этапы социальных процессов, а посредством анализа их содержательных изменений — трансформацию политических ориентаций и идентичности. В этом смысле Карабахское движение представляет собой обширное и богатое поле для исследования.

Особенность транспарантов, созданных во время Карабахского движения, заключается в том, что их подавляющее большинство выражало не столько программные положения отдельных партий или политических течений, сколько передавало настроение народа, его тревоги, желания, оценки тех или иных событий и т. д. Если транспаранты советских лет несли на себе печать идеологии правящей партии, имели строго канонизированный характер, исключали какое бы то ни было отклонение, то транспаранты Движения имели самые разные жанровые выражения, отличались разнообразием содержания, опирались как на национальное, так и на общесоветское мышление, одним словом — имели народный характер, являлись непосредственными иконографическими показателями свободного мышления.

В транспарантах нередко встречаются проявления архетипического народного мышления. В период зарождения Движения их появление было обусловлено также тем обстоятельством, что вербальная информация — звучащие на митингах речи, обсуждения — не дополнялись визуальной информацией, поскольку советское телевидение в своих передачах и пресса в публикациях не отражали в полной мере реального положения вещей, и в оценках, даваемых происходящим событиям, наблюдалась крайняя тенденциозность. В этих условиях транспаранты частично брали на себя функцию свободной прессы, а также иконографическую пропаганду Движения, чем во многом способствовали процессу политического воспитания масс и качественному изменению идентичности.

В годы Карабахского движения во взаимоотношениях «человек — власть», «общество — государство» транспаранты были теми посредниками и своеобразными проводниками, по которым передавались мысли людей — общества, их обращения к властям, даваемые им оценки. Транспаранты были адресованы не только властям, но и самому армянскому народу, жителям Армении, азербайджанцам, другим гражданам большой советской страны, миру — одним словом, всем, кого интересовали волнующие армян вопросы. Транспаранты представляли собой своеобразный монолог народа — с надеждой перерасти в диалог. В этом смысле они были равнозначны десяткам и сотням интервью, социологическим опросам, т. е. фиксирование транспарантов и тех ситуаций, при которых они рождались, само по себе можно приравнять к проведению полевой работы среди участников митингов.

За годы Движения мне удалось собрать данные о примерно одной тысяче транспарантов, зафиксированных в фотографиях, письменных и устных источниках. В 1989 г., когда я начал систематизировать материал, в нем образовалось 16 больших и малых тематических групп. Они отличались рядом особенностей, важнейшей из которых было то, что транспарантов, касающихся Геноцида армян (в широком контексте — около 370) было в несколько раз больше, чем тех, которые касались, казалось бы, основной идеи Карабахского движения — воссоединения Карабаха с Арменией (около 100). Такой перевес свидетельствовал о первостепенном значении тематики Геноцида и сумгаитских зверств и обусловленных ими процессов, однако не в ущерб собственно решению карабахского вопроса, а в качестве важнейшего из путей, ведущих к этому решению (*Marutyan 2009: 7–8*).

Выдвижение в Карабахском движении на первый план темы Геноцида армян было обусловлено сумгаитскими погромами. 27–29 февраля 1988 г. в присутствии советских воинских соединений в расположенном в 25–30 км от Баку городе Сумгаите произошли массовые беспорядки, в ходе которых с применением турецких методов геноцида, осуществленных в начале XX в., были убиты — по официальным данным — «26 граждан армянской национальности» (*Известия*. 3 марта 1988 г.). Армян избивали, пытали, насиловали, выбрасывали из окон, убивали арматурой и ножами, разрубали топорами, отрезали головы, сжигали на кострах. Сумгаитские погромы, по убеждению многих, были ответом официального Азербайджана на мирное и демократическое по форме волеизъявление населения Нагорного Карабаха и Советской Армении. Целью этого преступления было заблокировать возможное решение вопроса, устроить армян и, в частности, союзные власти перспективой кровавых действий и заставить их отказаться от справедливого решения карабахского вопроса (*Marutyan 2009: 93–94*).

Сумгаитские погромы сразу и однозначно были сопоставлены с Геноцидом армян. Об этом объявили не власти и не ученые, такое восприятие возникло у рядовых граждан армянской национальности. И первое проявление такого восприятия произошло 8 марта — в день международной солидарности трудящихся женщин. Этот день был одним из любимых праздников как в Армении, так и во всем Советском Союзе. Однако многие женщины (с ними шли и мужчины) в этот день в траурной черной одежде, «с утра до вечера шли к Цицернакаберду, к памятнику Егерна, мудрым народным инстинктом чувствуя, что Сумгаит — это продолжение 24 апреля 1915 г...» (*Kaputikyan 1997: 309*). Свидетельствами этого были также использованные во время шествия плакаты и транспаранты, которые на своем «языке» говорили о сопоставимости сумгаитских погромов и Геноцида армян. На одном из них рядом с изображением памятника жертвам Геноцида с надписью «1915» был нарисован неполный, малого размера фрагмент того же памятника, под которым было написано «1988» (*Marutyan 2009: 96*). Тем самым, казалось, авторы транспаранта хотели донести мысль, что новый геноцид — это повторение старого в более мелких масштабах. В верхней части изображения было написано «Мы на забудем кровавое воскресенье Сумгаити [sic]!», а внизу — «Мы не позволим, чтобы повторился Егерн» (на арм. яз.). На другом плакате в одной стороне было написано «1915», под ним — «1988» и нарисована капля крови, а в середине изображены контуры памятника жертвам Геноцида, справа — скорбящая женщина с ребенком на руках. То есть сумгаитские события однозначно сопоставлялись с Геноцидом армян (*Marutyan 2009: 99*).

Та же картина повторилась 24 апреля 1988 г. — в день памяти жертв Геноцида. Это проявилось в нескольких формах. Одной из важнейших особенностей было то, что в этот день число возложенных к памятнику венков было несравнимо больше, чем обычно; они отличались многообразием и более роскошным оформлением. Почему? Дело в том, что шествие 24 апреля фактически было первой неофициально санкционированной демонстрацией после запрета на проведение митингов, принятого в марте 1988 г., которым власти пытались предотвратить ожидаемый после февральских митингов новый этап массовых выступлений. И эти венки приобрели функцию плакатов. То есть если в прошлом венки выполняли лишь функцию почитания памяти жертв, то теперь, в изменившихся условиях, они — с определенными элементами национальной идентичности, с соответствующим цветочным оформлением и надписями на лентах — взяли на себя и политические функции. 24 апреля 1989 и 1990 гг., когда жертвы осуществленных в Азербайджане погромов в сознании армян уже слились воедино с жертвами Геноцида, количество венков и плакатов политического содержания, использованных во время траурного шествия, значительно возросло (Marutyun 2009: 46–66).

Барри Шварц пишет, что помнить — значит помещать часть прошлого в систему взглядов и потребностей настоящего (Schwartz 1982: 374). Для изучения памяти не столь важно, как происходило данное событие, сколько то, как люди его помнят или что они помнят. В годы Карабахского движения одной из форм проявления памяти о Геноциде было создание «рядов геноцида», когда на одном транспаранте или плакате — иногда только в сопровождении топонимов — просто писались даты. К примеру, «1909–30 000», и таким образом передавалась информация о погромах в Адане (Yesaian 1911; Torosyan 1987; Gasparyan 1990; Nersisyan, Sahakyan 1991: 230–266; Simonyan 2009; Der Matossian 2022). Или когда в списке дат или топонимов на последнем месте появлялись названия: Сумгаит или Баку. Например: «Баку — 1918⁵, Шуши — 1920⁶, Сумгаит — 1988» (на арм. яз.) или «Дейр-Зор⁷ — Бухенвальд — Сумгаит» (на арм. яз.) (когда Геноцид сравнивался с фашизмом, причинившим самые тяжелые потери народам СССР). Или «1915...1937... 1988» и «Дейр-Зор, Алтай⁸, Сумгаит...» (на арм. яз.) (когда сталинизм ставился в один ряд с геноцидами), или в более простой форме — на словесном уровне приводя также идеологический фактор: «Пантюркизм — Дейр-эл-Зор / Сталинизм — Алтай / ???-изм [sic!] — Сумгаит» (на арм. яз.). И людям, смотрящим на эти плакаты, все было понятно. Таким образом, в транспарантах и плакатах отражалась почти вся палитра геноцида, погромов и резни армян конца XIX — начала XX в., что свидетельствует о том, что они составляют значи-

⁵ Имеются в виду погромы армян в Баку в сентябре 1918 г., жертвами которых стали 30.000 армян. Подробнее см. напр.: Иуханян 1920: 7, 99, 100; Чалхушьян 1919: 153, 157, 159; Закарян 1990; Манучарян 1990: 79.

⁶ Имеются в виду погромы армян в Шуши (центр Нагорного Карабаха), жертвами которых стали, по разным оценкам, 4000–8000 армян. Подробнее см. напр.: Mirzoyan, Ghaziyan 2003: 470, 473; Isahakyan 1988; Leo 1925: 438; Микаелян 1992: 416.

⁷ Дейр-Зор — город в Сирии, на правом берегу р. Евфрат. В годы Первой мировой войны Дейр-эз-Зор и окружающая его пустыня были избраны младотурецким правительством в качестве основного места концентрации депортируемых из Западной Армении и районов Турции армян.

⁸ В 1949 г. в Алтайский край были высланы около 15000 армян из Армянской ССР. См. напр.: Марутян 2007; Аблажей 2011; Харатян 2020.

тельную часть имеющей травматические оттенки исторической и коллективной памяти армян конца XX в.

После сугубо эмоционального отклика на случившуюся с ним беду человек бывает способен полностью воспринять, осознать, найти и проанализировать ее причины. Это особенно заметно в многовековой армянской литературе, когда несчастья и катастрофы, случившиеся с армянским народом или его частью, сопровождались эмоциональными откликами (*Khachatryan* 1969: 75, 99, 122, 124, 152, 155, 156, 183–185; *Nazaryan* 1992: 84–86, 108–111, 139, 140; *Sevan* 1980; *Demirchyan* 1994: 86; *Marutyun* 2009: 137). Мы также стали свидетелями подобной ситуации в Ереване после сумгаитской трагедии. Они нашли свое самопроизвольное отражение, в первую очередь, в транспарантах, а затем и в устных выступлениях. Для некоторых из них было характерно наличие своеобразных элементов скорби. Например, в марте 1988 г. один из транспарантов прямо призывал: «Все на траурную демонстрацию — в память об армянах, погибших в Карабахе, Сумгаите и других местах» (на арм. яз.); плакаты 24 апреля содержали следующие тексты: «Ереван страдает и скорбит», «Езиды с вами и разделяют вашу боль, армяне» (на арм. яз.), «В самую темную минуту скорби / Ты один, армянский народ» (на арм. яз.). Были распространены два созданных по правилам цитатного мышления текста из поэм выдающегося армянского поэта Паруйра Севака, связанных с образом вардапета (архимандрита) Комитаса — одного из символов Геноцида армян: «Попробуй, Вардапет, не сойти с ума» (на арм. яз.), «Скорблю по мертвым, отвожу молнии, взываю к живым» (на арм. яз.)⁹. Последние слова на одном из плакатов были использованы для создания собственного текста: «Скорблю по мертвым, отвожу молнии, взываю к живым, поднимаем меч правды против кровавого ятагана, и если на свете есть справедливость, есть история, интернациональное равенство и братство, мы должны победить...» (на арм. яз.). Был распространен также транспарант со строками из известного стихотворения Сиаманто «Танец»¹⁰: «О человеческая справедливость, да плюну я тебе в лицо» (на арм. яз.) (*Marutyun* 2009: 137–149).

Во время Карабахского движения, особенно с осени 1988 г., когда созрела идея необходимости коренных изменений политического характера в жизни общества, люди требовали дать политическую оценку сумгаитских событий. И поскольку такая оценка не звучала, люди сами формулировали эту оценку — характеризуя сумгаитские события как геноцид, требуя выявления и наказания непосредственных исполнителей и организаторов сумгаитских преступлений. Часто эта оценка формулировалась в текстах участников митингов, в виде вопросов и предлагаемых ответов на них: «Где организаторы сумгаитского геноцида?» (на арм. яз.); «Организаторов Сумгаита — на скамью подсудимых!» (на арм. яз.); «Политбюро! Кто организовал Сумгаит?»; «Политбюро! Не скрывай организаторов сумгаитского геноцида»; «Враги перестройки — организаторы Сумгаита»; «Геноцид в Сумгаите — преступление азербайджанского пантюркизма»; «Покровитель преступления — сам преступник» (на арм. яз.); «Кто не признает геноцид — участник геноцида» (на арм. яз.). Дело дошло до прямых обвинений, в которых мишенью был Центр: «“Вечные друзья”

⁹ Отсылка Паруйра Севака к Шиллеровской «Песне колокола» в «Неумолкаемой колокольне» (*Севак* 1982).

¹⁰ В переводе Р. Ангаладяна см. <http://old.genocide.ru/lib/siamanto/3.htm>.

под покровительством “вечных врагов” осуществляют истребление армян» (на арм. яз.); «Сумгаитский геноцид — интернационализм Кремля»; «Москва покровительствует азербайджанским-турецким преступникам» (на арм. яз.); «Кто стоит за палачами Сумгаита?»; «За спиной сумгаитских палачей стоит Москва»; «Истоки Сумгаита искать в Москве» (на арм. яз.); «Москва → Баку → Сумгаит»; «Москва+Баку=Сумгаит»; «Кремль! Отвечай за Арцах и геноцид армян» и т. д. Наконец, 24 апреля 1989 г. появился транспарант с таким текстом: «Сумгаит — ум, честь и совесть ЦК КПСС».

Транспаранты и плакаты на Оперной площади. 7 июня 1988 г. Фото А. Марутяна.
(На плакате с изображением окровавленного ятагана и трезубца, возвышегося в карту Армянской ССР, надпись на армянском «Если Карабах потерпит поражение, этот последний кусок тоже будет проглочен»).

// 7 июня 1988 г. Фото А. Марутяна.

Фотографии жертв Сумгаита на фасаде Консерватории. // 21 октября 1988 г.
Фото А. Марутяна.

Венки и транспаранты у памятника жертвам Геноцида армян. (Надпись на армянском: «Требуем, чтобы правительство СССР признало геноцид 1915 г». Дейр-Зор — пустыня в Сирии, где в 1915 г. погибло особенно много армян).

// 3 мая 1988 г. Фото Арутона Марутяна.

Плакат, изображающий карту Закавказья с прилегающими территориями. Нахичеванская АССР и НКАО, хоть и окрашены красным цветом, как вся территория Армении, но находятся за тюремной решеткой.

// Оперная площадь, июнь 1988 г.

Фото Л. Абрамяна.

Плакаты на Оперной площади.

// 13 октября 1988 г. Фото А. Марутяна.

Важное место в числе факторов, влияющих на трансформацию идентичности, занимают военные акции, в частности, разнообразные действия вооруженных сил. Обусловленные ими изменения идентичности особенно ясно проявляются и имеют, как правило, сравнительно быстрое течение в кризисных для общества ситуациях, каким было, например, Карабахское движение. В эти годы в результате действий советской армии (запоздалое вмешательство в сумгаитские и бакинские погромы армянского населения; события, связанные с ереванским аэропортом «Звартноц»: убийство фотографа, избивание безоружных людей и т.п.) в корне изменилась существовавшая веками вера армян в спасительную роль русского солдата. Постепенный процесс трансформации идентичности особенно четко проявился в иконографии Движения. Перечислим несколько наиболее характерных транспарантных и плакатных текстов: «Убийцы — вон из Армении»; «Это же наши дети. Бухенвальдце [sic], Освенцем [sic], Хатынь — Обмен опыта — Сумгаит, Масис, Звартноц, Шуша, Степанакерт...»; «Достижение отечественной геноцидонавтики»; «Оккупационные войска, вон из НКАО»; «Позор советским войскам»; «Армения — без оккупационных войск» (на арм. яз.); «Убирайтесь горбачевские дети из Армении»; «Реклама — Министерство обороны СССР предлагает: витамин БТР! Лучшее средство против свобододемократиизма [sic]. Не разрешается применять без назначения ЦК КПСС. Противопоказания: при применении — в Армении ожидаемых результатов не дает. Побочные действия: народная революция, самоопределение, голодовки, забастовки и т.п.». И как проявление качественного изменения: «Ни одного армянского солдата в оккупационной армии!» (на арм. яз.); «Армянские сыновья должны служить только в Армении» (на арм. яз.) и другие подобные тексты.

После погромов бакинских армян в январе 1990 г. произошли нападения азербайджанских штурмовиков на разные участки армяно-азербайджанской границы в Нахичеванской Автономной Республике. В Армении сразу же были сформированы добровольческие боевые отряды: люди шли на войну со старыми и новыми охотничьими ружьями, с оружием, конфискованным с военных складов. Дело дошло до настоящих сражений с использованием тяжелой техники. Народ назвал солдат вооруженных отрядов фидаинами — по аналогии с участниками национально-освободительной борьбы конца XIX и начала XX вв. против турецкого ига — и относился к ним с подчеркнутым уважением. Можно сказать, что именно после этих событий в сознании народа окончательно отодвинулась на третий-четвертый план самоидентификация жертвы. Пожалуй, вследствие подобной трансформации отношения 24 апреля 1990 г. ни один из около 60 плакатов и транспарантов не содержал требований справедливости и не имел просящего оттенка. Уже тот факт, что 95% надписей были на армянском языке, свидетельствовал о том, что транспаранты в первую очередь были адресованы армянскому народу, гражданам Армении. Их основной темой была идея борьбы: «Дух павших армян вызывает к борьбе» (на арм. яз.); «Мы должны бороться, а не плакать / Потери нации оружием вернуть назад» (на арм. яз.); «Продолжает жить борющийся народ» (на арм. яз.); «Борьбу народа не задушите кровью» (на арм. яз.) и наилучшим образом характеризующая символику дня формулировка: «Скорбь вечна, когда нет борьбы» (на арм. яз.).

И люди начали сами разрабатывать и предлагать способы предотвращения геноцида. Часть предложений носила политико-правовой характер.

Хотя при изучении исторических перипетий не принято прибегать к помощи слова «если», можно сказать, что некоторые из предложений, высказанных в транспарантах, исходя из оценок действительности, оказались пророческими. Так, 24 апреля 1988 г. предлагалось для избежания геноцида следующее решение: «Уважая незыблемое право карабахцев на самоопределение, предотвратим новый Егерн — красный и белый. Это значит быть ленинцами — словом и делом» (на арм. яз.). Если не учитывать вторую часть транспарантного текста, которая могла быть как данью времени, так и могла быть обусловлена действительной верой, рожденной пафосом периода перестройки, то остальная часть, кажется, была полностью реалистичным предсказанием.

Несколько других транспарантных формулировок с использованием аналогий предлагали достичь решения вопроса путем признания факта геноцида. Так, в транспарантах, также появившихся 24 апреля 1988 г., пояснялось, что «Нежелание признать геноцид 1915 г. привело к геноциду 1988 г.»; «Если бы правительство СССР признало геноцид 1915 г., не было бы Сумгаита 1988 г.» (на арм. яз.); «Человечество обязано признать факт 1915 г., чтобы не повторились сумгаиты» (на арм. яз.).

Нам кажется вполне реалистичным предсказание, выраженное в транспарантной формулировке в мае 1988 г.: «Безнаказанность организованных погромов порождает новые погромы». Высказанная здесь идея о необходимости наказания организаторов и исполнителей резни и погромов множество раз повторялась на страницах печати, звучала с самых разных трибун и т.д., однако не получила должного отклика как во время сумгаитского судебного процесса, так и со стороны советского высшего руководства. Факт в том, что последовавший за Сумгаитом синдром безнаказанности привел к новой волне насилия в разных частях Советского Союза: в Кировабаде, Фергане, Новом Узене, Оше, Баку, Душанбе и других местах.

Политика советской империи по отношению к национально-освободительной, демократической по своей сути борьбе армянского народа приводила к новым и новым жертвам среди армянского населения и территориальным потерям. Во избежание этих жертв и потерь предлагалось еще одно политико-правовое, довольно радикальное решение: «Единственный путь спасения от геноцида — независимость»; «Ответом на Сумгаит будет независимость Армении» (оба — 28 февраля 1989 г.); «Единственный путь спасения от геноцида — независимость. Да будет свободная и независимая Армения!»; «Геноцид будет предотвращен восстановлением национальной государственности»; «Единственным памятником священным жертвам будет завоевание независимости Армении»; «Оставаться в составе империи — значит подвергаться геноциду» (все три — 24 апреля 1990 г.) (все — на арм. яз.). Автором этих транспарантов, по всей вероятности, была организация «Национальное самоопределение». Хотя проводимая ею последовательная пропаганда идеи независимости приводила к определенным результатам, однако, по нашему мнению, единое, всенародное решение по вопросу независимости было обусловлено неотвратимым процессом разложения Советского Союза, продиктовано реальным положением дел и взвешенной политикой комитета «Карабах».

Для предотвращения геноцидов в будущем и, в целом, для решения стоящих перед армянским народом задач в числе предложенных в транспарантах Карабахского движения способов с первых же дней занял свое особое место призыв величайшего армянского поэта XX в. Егише Чаренца: «О, народ армянский, твое спасение в твоём единстве» (на арм. яз.). Это мезостих стихотворения «Завет» из написанного еще в 1933 г. цикла «Книга дороги».

Изучение иконографического материала Карабахского движения 1988–1990 гг. показывает, как год от года трансформировалось содержание транспарантных текстов. Тексты, имеющие просительный оттенок, вызывающие к справедливости, требующие признания геноцида и справедливого суда, уступали свое место текстам, имеющим характер окончательного вывода и указывающим на необходимость борьбы с оружием в руках; они содержали призыв к восстановлению независимости и констатировали изменение представлений о причинах геноцида и его виновниках. Отчетливо видно, как в сознании народа отодвигается на третий-четвертый план самоидентификация жертвы, и одновременно выдвигается на первый план идея возмещения армянскому народу за несправедливость и невозможности избежать ответственности за преступления. То есть рассмотрение только связанного с Геноцидом материала Карабахского движения уже позволяет зафиксировать выводы, показывающие завершение неотвратимого процесса переоценки прошлого и настоящего.

Анализ материалов показывает также, что для людей оценка сумгаитских событий, воспринимаемых именно как геноцид, становится камнем преткновения для многих стереотипов, сформировавшихся на протяжении советских десятилетий, препятствием, которое не могут преодолеть пропагандируемые около семидесяти лет такие советские парадигмы, как печать — зеркало правды, несокрушимая дружба народов СССР, КПСС, Центр, денно и нощно думающий о благополучии своих граждан, советская (=русская) армия, воспринимаемая как опора существования армянского народа, самая справедливая судебная система и т.п. Плакаты и транспаранты прямо свидетельствуют о том, что их авторы и те, кто их демонстрирует, сбросили с себя бремя советских мифов и не только освободились от страха критики самых могущественных государственных структур, но и говорят в их адрес буквально то, что думают. Перед исследователем встает гражданин, освободившийся во время Движения от тоталитарных идеологических оков, и, что важно в данном контексте, роль ориентира в вопросе формирования свободного мышления для него играет именно важнейший элемент коллективной и исторической памяти — память о Геноциде, которая проявляется в восприятии сумгаитских событий как геноцида, требовании дать им политическую оценку, в собственной оценке этих событий, в требовании выявить и наказать их организаторов и непосредственных исполнителей, в оценке судебного процесса над сумгаитскими преступниками.

Память о Геноциде вследствие Мец Егерна начала XX в. и новой резни и погромов армян в конце XX в. продолжает оставаться важнейшим элементом армянской национальной идентичности. В исследованиях советского периода, а также в трудах постсоветской историографии, посвященных изучению армянской диаспоры, подчеркивается исключительная роль памяти о Геноциде в деле сохранения идентичности армянской диаспоры. В Арме-

нии до событий 1988–1990 гг. среди широких народных масс память о Геноциде главным образом проявлялась лишь в воспоминаниях о прошлом, переживаниях, скорби и подобных действиях. Однако события, имевшие место во время Движения, показали, что эта память играет не менее активную и существенную роль для идентичности армянского общества. В эти годы, как показал анализ материалов, борьба, направленная на признание Геноцида, выявление его организаторов и исполнителей, оценку судебного процесса над ними, шаг за шагом приводила к росту политической зрелости народных масс, трансформации формировавшихся десятилетиями стереотипов, процессу переоценки прошлого и настоящего, а для предотвращения геноцидов в будущем осознавалась необходимость изменения существующих механизмов управления обществом и, в целом, политических изменений. Таким образом, тема Геноцида в Карабахском движении, выходя за характерные для первоначального периода рамки боли и скорби, толкала людей к активным действиям, которые в конце концов завершились формированием нового парламента, от которого ждали коренных изменений.

Иначе говоря, фактор Геноцида становится тем локомотивом, который дает возможность шаг за шагом менять изжившие себя представления и стереотипы, трансформировать основанную на старых ценностях идентичность и постепенно формировать новую. Фактически в случае Карабахского движения память о Геноциде становится тем средством, которое позволяет осуществить демократические реформы. То есть тот фактор, который часто характеризуется как нечто, препятствующее освобождению от «оков прошлого» и реальному прогрессу армянского общества, стал в армянской действительности самым важным стимулом прогресса. Память о Геноциде и сегодня содержит в себе мощный созидательный и живительный потенциал. По нашему убеждению, память о Геноциде — это не бремя, которое в нужный момент можно сбросить, а богатство, которое надо должным образом использовать (Marutyán 2009: 276, 1).

Формы проявления коллективной и исторической памяти армян многообразны. Их элементы, составные части не зафиксированы навечно, они постоянно переосмысливаются и воспринимаются по-новому. В кризисных, революционных ситуациях процесс переосмысления элементов коллективной и исторической памяти ускоряется. Характерно, что в моменты кризиса (таким было и Карабахское движение) на первый план выдвигается коллективная и историческая память, связанная с кризисной ситуацией в прошлом (Геноцид армян), и она становится фактором, влияющим на развитие событий. Не претендуя на бесспорность такой точки зрения, считаю, что принципиально подобная закономерность может работать для любой этнической общности, когда при правильном использовании в кризисных ситуациях важнейший элемент национальной идентичности, пережив определенную трансформацию, может стать главным фактором прогресса (Marutyán 2009: 276–277).

Вновь подчеркну, что обусловленная событиями начала XX в. историческая память армян и сформировавшаяся в течение событий конца XX в. на основе прошлого коллективная память в годы Карабахского движения приобрела функцию движущей силы революционных процессов.

СТОЛЕТИЕ ГЕНОЦИДА

Кого помнить?

В 2015 г. исполнялось 100 лет Геноциду армян.

Память о прошлом главным образом сохраняется путем фиксации исторических событий. Однако не все события, выбранные для фиксации, в дальнейшем получили однозначную оценку: к некоторым из них люди и общество остались равнодушными, к некоторым обращались, отмечая юбилейные даты, то есть им придавалось особое значение и отводилось особое место в представлениях о прошлом. Иначе говоря, фиксация событий позволяет оценивать и сохранять историческую реальность, в то время как упоминание и коммеморация, которые являются показателем отношения к событию, отмечают и сохраняют идеальное (*Schwartz 1982: 377*).

Содержанием понятия коллективной памяти является такое прошлое, которое не только разделяется всеми, но и совместно отмечается. В этом смысле весьма характерно, например, ежегодное шествие уже на протяжении 55 лет к памятнику жертв Геноцида. Создавая теми или иными способами гарантии, что все общество вместе как группа придет вспомнить свое прошлое, общество, таким образом, оказывает определенное воздействие на то явление, которое предполагает не только что и кого помним, но и когда помним (*Zerubavel 1996: 294*).

Согласно Пьеру Нора, в коммеморации дней памяти выделяются два архетипа, две модели: столетние (в этом ряду и двухсотлетние, пятисотлетние, тысячелетние) и поколенческие коммеморации. Первый включает немного более длинный период, чем средняя продолжительность жизни человека. По его мнению, «без этих двух временных инструментов и их совмещения, несомненно, не было бы юбилейных коммемораций» (*Nora 1998: 613*).

В досоветский период в армянской действительности юбилеем общенационального значения можно считать, пожалуй, коммеморацию в 1912 г. 1500-летия создания армянского алфавита и 400-летие первой армянской печатной книги. В советские и постсоветские годы в числе коммемораций, объединяющих нацию, символически соединяющих прошлое и настоящее, можно отметить торжества по случаю 1000-летия эпоса «Давид Сасунский» в 1939 г., день памяти 50-летия Геноцида в 1965 г., празднование 2750-летия основания Эребуни-Еревана в 1968 г. и 1700-летия принятия христианства как государственной религии в 2001 г.

Люди обычно «совместно вспоминают» события прошлого, ассоциируя их с ежегодными годовщинами и «днями памяти» (*Zerubavel 1996: 294*). Как у армян, так и у других народов, если «дни памяти» относятся к потерям, важнейшее значение приобретает не только почтение памяти жертв, но и осознание того, что «не помнить прошлое означает его повторение». Подобные дни гарантируют возможность одновременной коммеморации членами общества своего коллективного прошлого.

Пьер Нора, проанализировав ряд примеров, приходит к выводу, что настоящее создает инструменты коммеморации годовщин, ищет и находит даты и людей, которых надо помнить, пренебрегает одними и выдумывает другие объекты, достойные памяти, иногда искусственно искажая даты. Действует принцип «история предлагает, но настоящее распоряжается», подчеркивается значение дней памяти в формировании идентичности. Этот принцип, может быть, является частью более широкого явления, когда выбирается «из исторического — памятное, из памятного — заслуживающее упоминания» (Nora 1998: 618–621, 626).

В одной из своих ранних работ, посвященных вопросам коммеморации годовщин, Барри Шварц, отдавая дань принципу «опоры на настоящее», берет за основу тезис, согласно которому «в то время как объект, который помнят, обычно находится в прошлом, вопросы мотивации предпосылок его выбора и обретения формы всегда находятся в интересах настоящего» (Schwartz 1982: 395).

Крайне существенно, с *каким* комментарием представлять аудитории вопросы истории и памяти. Для властей настолько же важно знать, что делать с историческим знанием, насколько важно само историческое знание. Вот здесь и выходит на первый план одно из важнейших свойств исторической и коллективной памяти — ее мощная этномобилизирующая сила.

Этническая мобилизация находит место в жизни общества как благодаря задействованию существующих внутри этого общества внутренних механизмов, так и под влиянием государственной пропагандистской машины. В последнем случае просто меняются местами слагаемые: политическая элита пытается разработать такое национальное сознание, такую историческую и коллективную память, которые смогут способствовать этнической мобилизации общества вокруг выдвинутых элитой определенных политических задач и в конечном счете приводят к контролю политической жизни общества со стороны государственной элиты. Вот здесь и выступает в роли инструмента использование противопоставлений «мы – они», «свой — чужой», одним из механизмов которого являются уже существующие или вновь создаваемые коммеморации годовщин. Почему? Одним из элементов самосознания общности, образованной на любой основе (территориальной, этнической, национальной и т. д.) является наличие образа «другого», «чужого», с которым сравнивают и которому противопоставляют образ «мы». Образ «чужого» может иметь негативные, нейтральные и положительные черты, под влиянием определенных обстоятельств может появиться образ «врага». Исследования показывают, насколько важное значение может иметь образ «врага» в процессе формирования национального самосознания. Противостояние и наличие «врага», истинного или вымышленного, становятся стимулом национальной консолидации.

Без оценки роли исторической и коллективной памяти невозможно понять процесс этнической мобилизации, т. е. мобилизации этноса вокруг определенных политических задач. Это обстоятельство необходимо учитывать для объяснения того, почему во время этнополитических конфликтов память приобретает важнейшую роль. Историческая и коллективная память становится тем фундаментом, на котором строится восприятие противостояния, объясняется

справедливость собственных требований и необоснованность требований противоположной стороны; эта память становится основой, вокруг которой можно консолидировать силы нации и направлять их на решение определенных задач. Более того, в этнополитических конфликтах историческая память не только способствует этнической мобилизации, но и может служить для нравственного оправдания насилия по отношению к противоположной стороне.

* * *

Приближалась 100-летняя годовщина Геноцида армян, которая содержала в себе мощный этномобилизирующий потенциал. 23 апреля 2011 г. указом Президента Республики Армения была учреждена Государственная комиссия по координации мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида армян. Она имела довольно представительный состав: Президенты Республики Армения и Нагорно-Карабахской республики, председатель Национального собрания Армении, премьер-министр, председатель Конституционного суда, ряд министров, руководитель аппарата Президента Армении, мэр Еревана, главы Армянской церкви, президент Национальной академии наук Армении, руководители всеармянских благотворительных организаций, армянских партий Армении и Диаспоры, ректор Ереванского государственного университета, директор Музея-института Геноцида армян. Комиссия периодически созывала заседания, принимала решения. Кульминацией деятельности комиссии стало состоявшееся 29 января 2015 г. расширенное заседание, после завершения которого Президент Серж Саргсян вместе с членами комиссии и участниками заседания посетил Мемориал Цицернакаберда и возложил венок к памятнику жертвам Геноцида, отдав дань уважения памяти невинных жертв. На холме Цицернакаберда состоялась также церемония оглашения Всеармянской декларации к 100-летней годовщине Геноцида армян. Декларация в этот день была единогласно принята на заседании Государственной комиссии по координации мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида армян. Документ был зачитан Президентом Сержем Саргсяном и согласно решению Государственной комиссии по координации мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида, оригинал Декларации был передан на хранение в Музей-институт Геноцида армян. Президент Республики отметил, что один экземпляр Декларации будет отправлен Генеральному секретарю Организации объединенных наций, один экземпляр будет передан в Национальный архив Армении¹¹.

Текст Декларации доступен в интернете. Мы рассмотрим здесь только ее предпоследний 11-й пункт: «[Декларация] рассматривает 100-летие Геноцида армян как важную веху в процессе продолжения борьбы за историческую справедливость под девизом «Помню и требую»». Многие положения Декларации стали предметом профессиональных дискуссий, между тем самого широкого народного признания удостоился девиз «Помню и требую» и официальный символ 100-летия Геноцида — цветок незабудка. Их представил общественности во время встречи с журналистами 27 мая 2014 г. руководитель аппарата Президента Армении Виген Саркисян, координатор мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида. В своей речи он отметил:

¹¹ <https://www.president.am/hy/press-release/item/2015/01/29/President-Serzh-Sargsyan-visit-Tsitsernakaberd-Genocide/>

«Избранный девиз намеренно подчеркнутый и персонифицированный, чтоб каждый, произнося эти слова, вспоминал историю своей семьи, пережитую нами трагедию и то требование, которое мы видим в этом контексте, представил всему миру»¹². Элементы символа, созданные на основе незабудки, имеют следующий смысл: (а) черный цвет символизирует ужасы резни 1915 г. и память о Геноциде, (б) маленькие светло-фиолетовые лепестки символизируют единство армянских общин по всему миру, (в) пять больших темно-фиолетовых лепестков символизируют пять континентов, где нашли новый дом пережившие Геноцид. Темно-фиолетовый цвет напоминает традиционную расцветку облачений священнослужителей Армянской церкви, (г) 12 трапеций символизируют 12 пилонов Мемориала Цицернакаберда, (д) желтый цвет символизирует солнечный свет, дарящий надежду, желание жить и созидать, творческий потенциал.

Девиз «Помню и требую» в сочетании с официальным символом 100-летия Геноцида — незабудкой, прочно утвердился в социальных сетях, появился на многих плакатах, вывесках магазинов, на машинах, на школьных и разных других мероприятиях. Иначе говоря, символ и девиз 100-летия Геноцида, будучи достаточно красноречивыми, выступили как внешние проявления коммеморации годовщины. Согласно 11-му пункту Декларации, указанный девиз фактически предлагалось считать краткой направляющей формулировкой армянской политики памяти. В этом случае возникают вопросы, которые относятся к элементам данного девиза и нуждаются в уточнении в контексте передачи памяти о Геноциде в XXI в. В частности: кого помню? что помню? как помню? что требую? у кого требую? как требую? И оказывается, что здесь есть многочисленные проблемы¹³.

Ответ на вопрос «кого помню?», казалось бы, ясен, так как государственный официальный подход в обобщенном виде существует уже 35 лет, в неофициальной форме — более одного столетия. В последний период существования Советской Армении, 22 ноября 1988 г. парламент республики принял закон¹⁴, согласно которому 24 апреля объявляется «днем памяти жертв Геноцида армян». То есть официальный ответ на вопрос «кого помню» — помню жертв Геноцида. А вопрос, кто были «жертвами», казалось бы, имеет один ответ — 1,5 миллионов убитых, умерших от голода и болезней вследствие нечеловеческих условий в годы Геноцида. В широком смысле — армяне, умершие не своей смертью на территории Османской империи в годы Геноцида. Однако здесь есть проблема: дело в том, что, несмотря на то что память о Геноциде является одним из самых важных столпов армянской идентичности, тем не менее до сих пор не существует электронной базы данных жертв Геноцида, т. е. ответ на вопрос «кого помню?» носит крайне обобщенный характер — 1,5 миллионов армян.

¹² Выбраны девиз и символ 100-летия Геноцида армян: символом 2015 года станет незабудка. <https://armenpress.am/rus/news/763461>. См. также: <https://168.am/2015/03/10/465622.html>, посещение 20.09. 2021.

¹³ Вопрос подробно рассмотрен в *Marutyun* 2021. В настоящей статье частично рассматриваются только один-два из перечисленных вопросов.

¹⁴ Закон, принятый Верховным Советом Армянской ССР «Об осуждении Геноцида армян 1915 г. в Османской Турции» <http://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=8170>, посещение 20.09.2021.

Между тем, в мире относительно подобных вопросов есть и предлагаются другие решения, которые можно обобщить доставшимися в наследство от советской эпохи формулировками «Вспомним всех поименно» и «Никто не забыт, ничто не забыто» или намного более обобщенная формулировка «Помнить! Нельзя забыть!» Так, после Великой Отечественной войны в СССР велась работа по созданию насколько возможно полных списков жертв войны, следуя вышеупомянутому девизу «Вспомним всех поименно». В результате продолжающейся десятилетиями, осуществляемой при поддержке государства работы были созданы сетевые базы данных, и сейчас можно найти краткие, но уточненные сведения о каждом погибшем на поле боя солдате. Позднее и в постсоветские годы в разных республиках бывшего СССР были созданы общественные организации («Мемориал»), которые помимо разнообразной деятельности ставили задачу вспомнить поименно жертв сталинских репрессий. В настоящее время изданы десятки томов воспоминаний о жертвах репрессий, как с краткими, так и с возможно подробными данными. Одними из лучших примеров баз данных, обобщающих последствия геноцидов, являются проекты, осуществляемые музеем Яд Вашем (Yad Vashem) в Иерусалиме и Музеем памяти Холокоста США (United States Holocaust Memorial Museum)¹⁵. В Яд Вашеме с использованием соответствующей программы на протяжении более 20 лет были задокументированы данные 4,8 миллионов из 6 миллионов евреев — жертв Холокоста. С января 2021 г. здесь начали работать также над созданием базы данных переживших Холокост. Не очень большими темпами, но ведется работа и в Кампучии по документированию данных не только о жертвах, но и о виновниках геноцида¹⁶. Имена трех тысяч человек, погибших в 2001 г. в результате террористического акта в международном торговом центре в Нью-Йорке, каждый год 11 сентября зачитываются перед публикой. Точно так же в Ереване каждый год, 14 июня, зачитывается некоторая часть из тысяч имен людей, ставших жертвами сталинских репрессий.

Повторю, не существует электронной базы данных жертв и переживших Геноцид. Но уже имеется определенный опыт. Начиная с 2000 г. Отдел документирования и сбора данных о жертвах МИГА при помощи заранее составленного опросника собрал из различных источников и систематизировал, а затем и снабдил паспортами данные 4700 жертв и 10 303 переживших Геноцид, а также без вести пропавших. Эти данные сегодня хранятся в архиве МИГА и нуждаются в дополнении и включении в электронную базу данных. Подобную работу по сбору данных о жертвах и переживших проделал также Национальный архив Армении, начиная с 2017 г. Спустя время эта работа была приостановлена, так как для этого дела необходимо использование современных технических средств, а также широкое вовлечение профессиональных кадров. В настоящее время МИГА предпринимает шаги для начала работ по созданию базы данных.

Таким образом, вопрос «кого помню?» в настоящее время не имеет полноценного ответа, есть необходимость его доработки, что может быть осуществ-

¹⁵ Подробно см.: About the Central Database of Shoah Victims' Names <https://yvng.yadvashem.org/>, Database of Holocaust Survivor and Victim Names <https://www.ushmm.org/remember/resources-holocaust-survivors-victims/database-of-holocaust-survivor-and-victim-names>, посещение 20.09.2021.

¹⁶ Подробно см.: Documentation Center of Cambodia: Database <https://dccam.org/database>, посещение 20.09.2021.

влено путем создания в первой половине XXI в. электронной базы данных жертв и переживших Геноцид армян. Формированию полноценного ответа на вопрос может способствовать происходящее параллельно с этим процессом составление электронной аудио- и видеобазы данных мемуаров переживших Геноцид, что даст возможность их потомкам получить определенную информацию если не о судьбе и пройденном пути их непосредственных родственников, то хотя бы о трагических исторических событиях, происходивших в данном населенном пункте или районе.

В процессе индивидуализации памяти о Геноциде очень важен пересмотр ценностных ориентаций. Рассмотрим это более детально. Во время Геноцида и в последовавшие за ним годы многие иностранцы протянули руку помощи армянскому народу, всячески пытаясь смягчить выпавшие на долю армян лишения. Это были общественно-политические деятели и деятели культуры, также благотворители, дипломаты, миссионеры, вовлеченные в заботу о сиротах учителя и врачи, просто неравнодушные люди. Благодаря их усилиям были спасены от неминуемой смерти десятки тысяч армян, на их средства были открыты и действовали десятки приютов для сирот, где находило свое спасение будущее армянского народа — молодое поколение, в убежищах находились спасенные из турецко/курдского плена армянские женщины и дети. Армянский народ с большой благодарностью вспоминает их, их именами называются школы и улицы, издаются посвященные их деятельности книги, отмечаются их юбилеи и т.д.¹⁷.

Разнообразные проявления признательности иностранцам часто оставляют в тени ту реальность, что в годы Геноцида большой и важный вклад в дело спасения армян внесли именно армянские организации, благотворители-армяне, армянская печать, рядовые армянские граждане. Отсутствие государственности заставляло армян самоорганизовываться, заниматься агитацией, организовывать сбор средств, пожертвований, создавать попечительские структуры, а также учреждения, занимающиеся сбором сирот, приюты и убежища, открывать школы и училища. Добровольческое движение не только призывало к оружию армянскую молодежь, но и привлекало ее к поиску сирот, армян, стоявших на грани ассимиляции, и возвращению их армянскому народу. Подавляющее большинство сотрудников попечительских учреждений, финансируемых иностранцами, — санитарки, медсестры, повара, учителя, воспитатели — были армянами. Самооборона, организованная армянами, была одной из эффективных форм противостояния геноциду (*Marutyan 2020c: 11–12*). Думаю, что одной из задач передачи памяти о Геноциде в XXI в. является необходимость выявления роли самих армян в деле спасения армян.

Говоря о Геноциде, будь то в течение года, в апреле, так и во время очередной юбилейной даты, как правило, акцент ставится на потерях армян. Кажется, что это естественно, так как турецкоподданные армяне потеряли около 2/3 своего населения, была обезглавлена интеллигенция, уничтожено множество

¹⁷ В четвертом пункте Всеармянской декларации к 100-летней годовщине Геноцида армян написано: «Выражает признательность тем народам, структурам и лицам, которые, нередко подвергая себя опасности, оказывали разнообразную гуманитарную помощь, спасали множество армян, стоявших перед опасностью полного уничтожения, создали безопасные и мирные условия для пережившего геноцид армянства, придав большой размах делу попечительства сирот и международному движению армянофильства».

национально-культурных ценностей и т. д. Потери, особенно человеческие, были ужасающими, невозполнимыми.

Культура памяти, сформировавшаяся в Армении и в диаспоре в последовавшие за Геноцидом годы, также опиралась на скорбь о жертвах, что проявлялось как в религиозных, так и в светских мероприятиях.

В Армении ситуация начала постепенно меняться с конца 1980-х — в течение 1990-х годов. В основе изменений лежал подъем национального духа, который переживал армянский народ в годы Карабахского движения (1988–1990), а затем и Карабахской/Арцахской войны (1992–1994).

Начиная с 1990-х годов, говоря о Геноциде, как в средствах массовой информации, так и в школьных учебниках, в научных исследованиях постепенно стали больше обращаться к деятелям армянского национально-освободительного движения конца XIX — начала XX вв., фидаинам, к эпизодам вооруженной самообороны в годы Геноцида, к военным деятелям начала XX в. Однако это качественное изменение не получило институциональных формулировок: по сей день мы всенародно отмечаем день «памяти жертв Геноцида», что невольно, хотим мы этого или нет, приводит к утверждению стереотипа жертвы.

Между тем в годы Первой мировой войны существовала и иная реальность. Напомню, что в Российской империи с начала войны число призванных на военную службу армян составляло 250 тысяч человек. В ноябре 1916 г. в составе французских войск из армян был создан Восточный легион (более 5 тыс. солдат), который в декабре 1918 г. был переименован в Армянский легион.

Ни в одной из стран, участвовавших в Первой мировой войне (кроме Османской империи), не было вооруженной самообороны гражданского населения. Почему подобное явление нашло место именно в Османской империи? Вероятно, по той причине, что только Османская империя, пользуясь представленными войной возможностями, пыталась физически уничтожить определенную часть своего гражданского населения — армян. То есть осуществить геноцид. Иначе говоря, одна из особенностей периода Первой мировой войны — проводимая Османской империей геноцидальная политика, породила другую особенность — самооборону армян (Марутян 2013: 3–5).

Вспомним, где и когда происходили самооборонительные сражения армян в Османской империи в годы Первой мировой войны и Геноцида (см. напр.: *Perperian, Mahserch'ian et al.* 1978; *Sahakyan* 2005; 2010; *Minasyan* 2015). В начале отметим города и крупные населенные пункты (замечу, что приведенные ниже таблицы не претендуют на отражение полной картины).

Шатах/Тах	1915 г., 1 апреля — 14 мая	45 дней
Ван	1915 г., 7 апреля — 3 мая	27 дней
Шапин-Гарахисар	1915 г., 2–29 июня	28 дней
Муш	1915 г., 26–29 июня	4 дня
Фынтычаг	1915 г., 6–26 июля / 3 августа	21–28 дней
Урфа	1915 г. 29 сентября — 23 октября	25 дней
Мараш	1920 г., 21 января — 10 февраля	21 дня
Ачин	1920 г., 1 апреля — 15 октября	6,5 месяцев
Айнтап	1920 г., 1 апреля — 8 февраля 1921 г.	более 10 месяцев

В областях, во многих небольших и крупных селах, армяне оказывали врагу сопротивление от нескольких часов до нескольких дней, недель и месяцев.

Гаваш (Васпуракан)	1915 г., 3 апреля — 11 мая	38 дней
Песандашт (область Шатах, Васпуракан)	1915 г., 14 апреля — 10 мая	27 дней
Армянские села области Йозгат (провинции Анкара)	1915–1917 гг.	
Сасун	1915 г., апрель — август	5 месяцев
Муса-лер	1915 г., 21 июля — 12 сентября	53 дня
Армянские села области Хнус	1915 г., май	
Область Хоторджур	1918 г., 20 января — май	3,5 месяцев

То есть в годы Геноцида армяне во многих местах с оружием в руках (зачастую это были охотничьи и кремневые ружья) защищали свою жизнь и жизнь своих семей, родственников, свои родные села. Из сражений, происходивших в крупных городах, победой увенчалась только самооборона Вана, в которой принимали участие армянские добровольческие отряды, а затем и русские войска (см. напр.: *Keorkizian* 1965, *Parazyan* 1990). Здесь в течение 72 дней существовала армянская власть, то есть победу сопровождал политический успех (*Harutyunyan* 2018). Однако позже русские войска неожиданно отступили, заставив и армянские силы отступить вместе с ними. И так четыре раза (*Harutyunyan* 2013). Последний раз армянская власть покинула город в марте 1918 г. Одним из важнейших результатов самообороны Вана было то, что около 150 тыс. населения Васпуракана выжило и иммигрировало в Восточную Армению, еще несколько десятков тысяч — в Персию и оттуда — в Ирак (*Tatoyan* 2020; *Ohanyan* 2019). Победой завершились также сражения в центре Шатаха — Тахе (*A-Do* 1917: 365–403). Спустя время после победного завершения самообороны в городе Айнтапе (20 октября 1921 г.) последовало

соглашение французского командования с кемалистскими силами и решение оставить город, вследствие чего местное армянское население было обречено на бегство, но избежало массовой резни.

В некоторых местах армяне сопротивлялись очень короткое время, в других — на протяжении недель и месяцев. Организованно и неорганизованно, имея оружие или с очень ограниченным количеством оружия и боеприпасов. Это очень многоликое явление, его оценки разнятся, однако факт заключается в том, что в годы Геноцида армяне, там, где было возможно, с оружием в руках оказывали сопротивление врагу, пришедшему их уничтожить, защищали свои семьи и свою родину (*Marutyan 2014a*).

Между тем, как уже было замечено выше, во время ежегодных мероприятий, связанных с Геноцидом, как правило, внимание акцентируется именно на «жертвах» резни и иногда, в качестве дополнения, вспоминаются армянские фидайны, самооборонительные сражения. Однако это «дополнение», тем не менее, не становится частью официальной, институциональной формулировки, что, по моему убеждению, приводит к укоренению стереотипа жертвы. Это приводит, в частности, к тому, что участники известных и еще не известных самооборонительных боев таким образом также включаются в ряд «жертв». Такое акцентирование, продолжающееся десятилетиями, приносит с собой также проявления комплекса неполноценности, восприятия памяти о Геноциде как бремени, в некоторых случаях приводит к мысли о том, что от этого «бремени» необходимо «избавиться».

Евреи спустя всего лишь восемь лет после Холокоста решили назвать день памяти «днем памяти жертв и героев», а в 1959 г. он был утвержден законом¹⁸. Девять статей принятого в 1953 г. закона о Яд Вашем поясняют, кого надо помнить: жертв, семьи, общины, героев, еврейских солдат, партизан, тех, кто им помогал и тех, кто пытался сохранить свое достоинство. Таким образом, шесть из девяти статей касаются борьбы, сопротивления¹⁹.

В армянской действительности подобных шагов предпринято не было²⁰. Прошло более 100 лет. Имеем необходимость полноценной оценки самооборонительных сражений в годы Геноцида, имеем тридцатилетнюю национальную государственность, фактор арцахской борьбы и побед. Полагаю, что давно пора переосмыслить символ дня памяти, сделать в его названии, по меньшей мере, перестановку акцентов и после соответствующих профессиональных и общественных обсуждений ввести в оборот иную формулировку: «День памяти жертв Геноцида армян и героев самооборонительных сражений» или «День памяти Геноцида армян: жертвы, участники сопротивления, пережившие» (*Marutyan 2015: 80; 2018b: 134; 2022a: 82*), и таким образом дать более полный ответ на вопрос «кого помню?».

¹⁸ Holocaust Martyrs' and Heroes' Remembrance Day, https://knesset.gov.il/shoah/eng/shoah_memorialday_eng.pdf, посещение 20.09.2021.

¹⁹ Martyrs' and Heroes Remembrance (Yad Vashem) Law 5713–1953, <https://www.yadvashem.org/about/yad-vashem-law.html>, посещение 20.09.2021.

²⁰ Надо заметить, что в первом пункте Всеармянской декларации к 100-летней годовщине Геноцида армян говорится также и о героях: «Взывает к памяти полутора миллионов невинных жертв Геноцида армян и к поклонению с признательностью мученикам и пережившим геноцид героям за борьбу за жизнь и человеческое достоинство» [подчеркнуто мною. — *А.М.*].

Как помнить?

Относительно вопроса «как помню?» есть ряд взаимосвязанных задач, также нуждающихся в решении. Для решения некоторых из них время безвозвратно утеряно, но другие мы еще в состоянии решить. Одним из вызовов является тот подход, что Геноцид армян все еще предьявляется миру главным образом как национальная трагедия, а не как злодеяние против человечества, как трагедия общечеловеческого масштаба. Таковым представляется и воспринимается Холокост. Причин тому много²¹, в том числе и то, что в мире действует около семидесяти музеев и экспозиций, посвященных Холокосту, в то время как Геноциду армян посвящен один полноценный музей и еще в трех-четырёх музеях и экспозициях представлены эпизоды Геноцида (Marutyan 2014b; Марутян 2015). Холокост по праву представляется миру как злодеяние общечеловеческого масштаба, для предотвращения которого в будущем необходимо знать его основные уроки, что и осуществляется путем включения темы Холокоста в школьные программы многих государств мира. Благодаря такому представлению Холокоста, в строительство и обеспечение функционирования музеев Холокоста, организацию экспозиций вовлечен не только еврейский капитал, но и средства из государственного бюджета Израиля.

В отличие от этого, в Армении и в диаспоре есть сотни памятников, посвященных памяти жертв Геноцида (Памятники боли, памяти и борьбы 2010)²². Большинство из них это *хачкары* (крест-камни), у которых, как правило, один-два раза в год собираются армяне диаспоры и представители власти и общественности данной страны, в то время как музей, хоть и небольшой, действует как минимум 300 дней в году. Причем музеи часто являются одновременно и исследовательскими центрами. То есть пропагандистские возможности музея и памятника в разы отличаются. В то же время тот факт, что армяне диаспоры отдают предпочтение памятникам, а не музеям, свидетельствует о слабой вовлеченности армянских общин в общественно-политическую жизнь страны, в которой они живут, об их обособленности.

Важным элементом ответа на вопрос «как помню?» является проблема преподавания темы Геноцида. В армянских школах она освещается лишь на уроках истории армянского народа, т.е. рассматривается только как часть истории Армении/армянского народа. Если парламент Германии или Конгресс и Сенат США в своих решениях указывают на необходимость преподавания

²¹ Уже несколько десятилетий евреи, говоря о Холокосте, акцентируют то, что в нем виновны не «немцы» как этническая единица, а «СС», «нацизм», «расизм» и другие равноценные идеологические понятия, то есть, не дают этнических оценок происходившему в прошлом противостоянию, а рассматривают его только как результат деятельности преступной идеологии. В случае Геноцида армян одним из факторов, препятствующих ведению такой же политики, является проводимая Турцией политика отрицания.

²² См. также вебсайт Armenian National Institute <http://www.armenian-genocide.org/memorials.html>, просмотрено 20.09.2021.

темы Геноцида армян в своих странах²³, то в Армении этой теме в школьных учебниках отводится всего несколько уроков. Плюс к этому, во многих случаях как родители, так и гражданское общество придерживается того мнения, что преподавание Геноцида может привести к формированию у ребенка комплекса жертвы и других негативных комплексов.

В армянских школьных программах тема Геноцида включена в учебники по истории армянского народа 8-го и 11-го классов и, как таковая, преподносит в основном информацию ознакомительного характера. Полученные таким образом знания, как правило, формируются через информацию о времени, этапах, происходивших событиях и обращены в прошлое. То есть предлагаемое знание — это знание о прошлом. Однако этот путь неэффективен в смысле способности ученика преодолевать встречающиеся сегодня в его жизни нравственные и другие дилеммы. Между тем главной целью является не подача ученикам порой утомляющих фактов и документов, а то, что они могут почерпнуть из этого для себя. В методическом плане это означает, что стратегии, направленные на воспитание полноценного члена общества, в большей степени должны исходить из поиска ответов на существующие в сегодняшней реальности вопросы, а не только из сведений, данных в учебниках. Говоря о такой сложной теме как геноцид, следует, если кратко, попытаться понять, каким образом можно капитализировать опыт прошлого в современных реалиях (*Marutyán 2022b*). В конечном счете, именно настоящее, с опорой на прошлое, формирует многие элементы мировоззрения и системы ценностей подростка и юноши и таким образом лепит будущего гражданина. Таким образом задача состоит в том, чтобы, извлекая уроки из опыта геноцида, подготовить учеников занять свое достойное место в армянском обществе. Извлечение «уроков» означает способность делать выводы из опыта прошлого с тем расчетом, чтобы руководствоваться ими в настоящем и в будущем. В основе данного подхода лежит наше убеждение в том, что «для любой этнической или национальной общности память о полном испытании прошлым является не бременем, которое можно сбросить, когда потребует, а богатством, которое нужно суметь достойно использовать» (*Marutyán 2009: 1*). Хотим подчеркнуть, что память о Геноциде также является богатством, надо только суметь разумно его использовать.

«Спасатели»

В преддверии 100-летия Геноцида заметно активизировалась турецкая политика отрицания, пытаясь «укрепить» свои позиции различными теоретическими обоснованиями. В числе мулсируемых вопросов был важный с точки зрения гуманистических ценностей вопрос спасения армян во время Гено-

²³ В резолюции, принятой бундестагом Германии 2 июня 2016 г., отмечается: «Сегодня в Германии перед школьным, университетским и политическим образованием встает обязательство — включить в учебные программы и материалы историю депортации и истребления армян как часть этнических конфликтов XX века, передавая это последующим поколениям». См.: <http://www.genocide-museum.am/arm/Germany.php> В резолюциях Конгресса и Сената США о признании и осуждении Геноцида армян (принятых соответственно 29 октября и 12 декабря 2019 г.) призывается «поощрять образование и осведомленность общества о фактах Геноцида армян включая роль Соединенных Штатов в деле гуманитарной помощи, а также связь между преступлениями против человечности, совершаемыми в наши дни, и Геноцидом армян». См.: <http://www.genocide-museum.am/arm/30.10.2019-USACongress.php>; http://www.genocide-museum.am/arm/news-H_RES150.php

цида. Такая постановка вопроса не нова, однако его постоянное обсуждение в преддверии 100-летия Геноцида, возможно, в какой-то степени было обусловлено выдвижением министром иностранных дел Турции (спустя время — премьер-министром) Ахмедом Давутоглу теории «справедливой памяти», которая фактически ставила на одну чашу весов исполнителей геноцида и жертв (см. напр.: *Akcam* 2010. Последующую дискуссию см. напр.: *Davutoglu* 2014a; 2014b; *Libaridian* 2015; *Khachatourian* 2014). В рамках этой идеологии мягко продвигалась мысль, что турки (или, в широком смысле, люди, вовлеченные в осуществление геноцида) также спасали армян. И, следовательно, необходимо по крайней мере переставить акценты; указывать, наряду с осуждением, также положительные явления²⁴. Вопрос, однако, заключается в том, что часто таким образом подчеркивалось только спасение армян турками, пропагандировалась именно это явление.

В моих исследованиях (*Marutyán* 2017; 2018c; 2018d) сделана попытка вывести обсуждение зафиксированных во время Геноцида и часто характеризующихся как «спасение» эпизодов из области теории «справедливой памяти» и сопровождающей ее пропаганды и перевести его в область требований, предложенных институтом «Праведников», основанным на «спасениях» в годы Холокоста. Тем самым, как мне кажется, несравнимо сужается возможность руководствоваться произвольными, имеющими субъективную основу оценками. Исследования показывают, что так называемые «спасения» сопровождалась грабежом, половой и экономической эксплуатацией, требованием вероотступничества, нарушением обещаний спасения и убийством «спасенных», если коротко — «спасали» из корыстных соображений, действия «спасителей» не несли для них никакого риска. Иначе говоря, если руководствоваться международными критериями, истинных спасений было ничтожно мало, и их акцентирование преследует только политические и пропагандистские цели.

Канонизация мучеников

23 апреля 2015 г. в числе мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида, в Первопрестольном Св. Эчмиадзине состоялась канонизация жертв Геноцида. Она транслировалась по телевидению, имела довольно широкую аудиторию. В то же время много вопросов остались открытыми. Это явление многоликое, емкое, и ниже мы сделаем попытку рассмотреть лишь некоторые его стороны не с теологической точки зрения, а с позиции этнографа (*Marutyán* 2018e).

Для причисления к лику святых Армянская Апостольская церковь устанавливает четыре условия, причем обязательным является наличие одного из условий. Одно из условий сформулировано как «мученичество во имя веры и родины». Оно, вероятно, и было положено в основу канонизации жертв Геноцида в апреле 2015 г.

²⁴ На эту «удочку» попались и в Армении. Одним из проявлений этого был проект «Турок, который спас меня», осуществленный общественной организацией «Европейская интеграция» (председатель правления — Карен Бекарян) и информационным аналитическим агентством «Армедия» при поддержке министерства иностранных дел и стран сотрудничества Соединенного Королевства и собранные в его рамках 47 историй, которые были опубликованы на армянском, английском и турецком языках.

Но ведь во время Геноцида не все было так однозначно. Во многих случаях люди так и не поняли, за что их убивают, тем более что правительство скрывало истинные цели массовых депортаций, всеми возможными способами обманывая армян. А в случаях сопротивления очень многие сражались не «за веру и родину», а чтобы защитить себя и своих родных.

Во время Геноцида тысячи и тысячи людей предпочли смерть вероотступничеству. Однако это не было обусловлено только желанием остаться верным христианству или «погибнуть во имя веры». Дело в том, что требование вероотступничества от девушек и женщин сопровождалось предложением выйти замуж за похитителей или убийц своих родственников. То есть должен был в корне измениться образ жизни и ценности отступившихся от своей веры. Для очень многих такая перспектива была неприемлемой, и люди прибегали к единственному возможному в этот момент выбору — шли на смерть. Следовательно, отвергая вероотступничество, люди предпочитали не отказываться от армянских ценностей, а христианская вера была лишь одной из них. Между тем при канонизации христианская вера провозглашается первостепенной и единственной ценностью.

Считается, что во время Геноцида десятки тысяч людей насильственно или под угрозой смерти приняли ислам. Часть принявших ислам армян в дальнейшем тоже были уничтожены, так как турки, вероятно, не верили, что в случае изменения ситуации армяне не вернуться в свою веру или не отомстят за своих погибших родственников. То есть те тысячи армян, которые под угрозой смерти отступились от своей веры, но все равно спустя время были убиты, считаются жертвами геноцида, но не «мучениками» и не могут быть причислены к лику святых. Получается, что рожденные от армян, несущие в себе армянский язык и огромное наследие армянских ценностей люди, которые предпочли жизнь смерти и отреклись (или отреклись притворно, как в случае армянских князей времен армяно-персидской войны середины V в. — Вардананц) только от одной части своей идентичности — от христианства — и которых тем не менее убили из-за того, что они армяне, не могут быть канонизированы. Разве здесь не возникает противоречия между понятиями «этнический армянин» и «армянин-христианин», и отдается предпочтение «армянину-христианину», таким образом противопоставляя одного другому?

В связи с этим возникает несколько проблем

В начале XXI в. Армянская Апостольская церковь, канонизировав жертв Геноцида армян, оценивает события начала XX в. критериями столетней давности, а именно, «если ты армянин, то ты христианин». Между тем это не совсем верный подход с научной точки зрения. Когда речь идет о мире людей и особенно о вопросах их идентичности (т.е. имеющих сугубо личностный характер для каждого индивида), гуманитарная наука предлагает руководствоваться преимущественно обобщенными, растяжимыми, гибкими формулировками, а не четкими правилами и формулами, свойственными точным наукам. Так что переносить правила математики, физики или биологии на человеческое общество и, например, устанавливать определения типа «армянин — это тот, кто...» неверно не только относительно армян, но и вообще с точки зрения научной методологии.

Надо заметить, что сегодня уже принят тот факт, что есть также армяне, не являющиеся христианами, или, вернее, мусульмане, считающие себя армянами или мусульмане, находящиеся в процессе возвращения к армянской идентичности, к своим армянским корням — те, чьи дедушки-бабушки были насильственно исламизированы. Да, часть этих людей возвращается в лоно христианства, другая часть — нет, несмотря на то что осознает свое армянское происхождение и предпринимает определенные шаги для возвращения к своей идентичности. Таким образом, вышеупомянутая формулировка «если ты армянин, значит ты христианин», кажется, дает трещины. Радует, что, например, Президент Армении, а также Католикос Гарегин II в своих речах по разным поводам не делают различия между армянами, исповедующими разные религии, рассматривают их как полноправную часть армянского народа.

В случае канонизации жертв Геноцида акцент делается на религиозный фактор, но при этом уменьшается роль национального, этнического фактора. Иначе говоря, подчеркивается массовое убийство христиан, т.е. последователей определенной веры, и отодвигается на второй план национальная, этническая принадлежность этих христиан, а именно — армян. Этим умаляется политическое значение Геноцида: он фактически приравнивается к религиозициду.

Между тем Геноцид армян сопровождался лишением родины, что является самым прямым проявлением этнического геноцида. Изгнание армянского населения из Западной Армении, Киликии и Анатолии было важнейшей политической целью османских властей, осуществлявших Геноцид армян. То есть, повторим, при канонизации мучеников Геноцида (а не всех жертв), Геноцид приравнивается к религиозициду, между тем как Геноцид представляет собой намного более емкое явление.

Уже давно известен и общепринят тезис «геноцид — преступление против человечества и цивилизации». Этой формулировкой подчеркивается общечеловеческое, всемирное содержание понятия «геноцид», что в первую очередь означает, что не имеет значения религиозная принадлежность подвергшихся ему людей. Однако Армянская Апостольская церковь, поставив в основу канонизации «мученичество во имя веры и родины», тем самым, вновь подчеркнем, предлагает сузить рамки преступления, представляя его как преступление против христианства. Косвенно об этом свидетельствует и то, что на канонизацию были приглашены представители только христианских церквей — католической и православной, а также различных межцерковных структур, но не, например, представители буддистской, индуистской, синтоистской, конфуцианской или иудейской веры.

Таким образом, рассматривая причисление мучеников Геноцида к лику святых как культурное явление, мы сталкиваемся с рядом вопросов, которые показывают, что обоснования необходимости канонизации и формы ее реализации нуждаются в более глубоком и разностороннем анализе.

Вместо заключения

Сто лет спустя геноцид, к сожалению, повторился. Ровно 100 лет спустя. Дело в том, что в армянской историографии датами Геноцида армян считают 1915–1923 гг. В сентябре–ноябре 2020 г. Азербайджан осуществил агрес-

сию против провозглашенной в 1991 г. непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах). Военные действия Азербайджана самым непосредственным образом поддерживала Турция. Армия Нагорного Карабаха потерпела поражение в этой неравной 44-дневной войне. 9 ноября 2020 г. лидеры Армении, Азербайджана и России выступили с совместным заявлением²⁵. Согласно третьему пункту заявления, «Вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора разворачивается миротворческий контингент Российской Федерации». В декабре 2022 г. закрытием Лачинского коридора началась блокада НКР, которая длилась десять месяцев. Международное сообщество, союзники Армении не предприняли никаких реальных шагов для прекращения блокады. 19 сентября 2023 г. вооруженные силы Азербайджана осуществили широкомасштабную агрессию против НКР, которая завершилась поражением Армии обороны НКР и подписанием руководством НКР документа, юридически подтверждающего этот факт. Под реальной угрозой жизни практически все население Нагорного Карабаха — более 100 000 человек — было вынуждено покинуть свою тысячелетнюю родину. Люди брали с собой лишь вещи первой необходимости, документы и бежали в Республику Армения. Расстояние в несколько десятков километров до Армении они преодолевали более чем за 30 часов. Сегодня на территории Нагорного Карабаха осталось около 50–60 армян.

Политологи, политические деятели называют случившееся «этнической чисткой». Некоторые геноцидоведы квалифицируют это как геноцид. Дело в том, что формулировка «этническая чистка» не является юридической категорией, в то время как события, имевшие место в течение десятилетней блокады, и последовавшая за ними насильственная депортация полностью соответствуют по крайней мере трем пунктам, характеризующим понятие «геноцид» согласно «Конвенции о предупреждении преступления геноцид и наказании за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. Эта мысль присутствует и в заявлениях, письмах, обращениях отдельных геноцидоведов, их групп и организаций²⁶.

Геноцид, о котором напоминали рассмотренные в первой части статьи транспаранты и плакаты и о котором предупреждали аналитики и политологи, повторился через 100 лет. Что со всей очевидностью приведет к образованию нового слоя коллективной памяти...

²⁵ См. <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2020/11/10/Announcement/>, последнее посещение 10.19.2023.

²⁶ См. напр. Statement 2020; *Gzoyan* 2023a; 2023b; 2023c; *Ocampo* 2023; Preliminary opinion 2023, и др.

Литература

- Аблажей Н.* Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 47–53.
- Закарян А.* Сергей Рафалович об Армении и армянах // Вестник общественных наук. 1990. № 2. С. 88–94.
- Исиханян Б.* Великие ужасы в городе Баку. Анкетное исследование сентябрьских событий 1918 г. Тифлис: Издание Анкетной Комиссии при Бакинском Армянском Национальном Совете, 1920.
- Марутян А.* Фактор исторической памяти в контексте Армянской революции 1988–1990 гг. // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов / отв. ред. Г. Гамбашидзе. Тбилиси: Некери, 2004. С. 215.
- Марутян А.* Обыкновенная жизнь в необыкновенных условиях (травматический быт в сталинской ссылке и способы его преодоления). // *Александян А.* Сибирский дневник: 1949–1954 гг. Ереван: Изд-во Национальной академии наук Армении, 2007. С. 35–54.
- Марутян А.* К вопросу об иконографическом восприятии памяти Первой мировой войны в армянской действительности // Историко-филологический журнал. 2013. № 1. С. 3–21.
- Марутян А.* Памятник или музей? Политика памяти на родине и в диаспоре (на примере армянского и еврейского опыта) // Диаспоры: независимый научный журнал. 2015. № 1–2. С. 8–30.
- Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов / ред. В. Микаелян. Ереван: Изд-во АН Армении, 1992.
- Севак П.* Неумолкаемая колокольня / пер. на русский язык Г. Регистана. М.: Советский писатель, 1982.
- Стаф И., Зенкин С.* Гулянья на Манежной: к поэтике московских манифестаций // Независимая газета. 1991. 11 апреля.
- Харатян Г.* Выселение армян «навечно» 1949 года. Анализ и архивные документы (к 70-летию этнической депортации армян). Ереван: Изд-во Института археологии и этнографии Национальной академии наук Армении, 2020.
- Чалхушьян Г.* Красная книга. Ростов н/Д: Типография «Ашхатанк», 1919.
- A-Do.* Мес Երբեքը Vaspurakanum 1914–1915 t'vakannerin [Великие события в Васпуракане в 1914–1915 годах]. Ереван: Типография Луйс, 1917. (на арм. яз.)
- Akcam T.* What Davutoglu Fails to Understand // The Armenian Weekly. 2010. May 19. [Электронный ресурс]. <http://armenianweekly.com/2010/05/19/akcam-davutoglu/>
- Aulich J., Wilcox T.* (eds). Europe Without Walls: Art, Posters and Revolution 1989–93. Manchester: Manchester City Art Gallery, 1993.

- Craven D.* Art and Revolution in Latin America, 1910–1990. New Haven; L.: Yale University Press, 2002.
- Cultural Representations in the Middle East: Political Cartoons // Princeton Papers: Interdisciplinary Journal of Middle Eastern Studies. Special issue. Princeton, 1997. Vol. 6.
- Davutoglu A.* Turkish-Armenian Relations in the Process of De-Ottomanization or «Dehistorization»: is a «Just Memory» Possible? // Turkish Policy Quarterly, 2014a. Vol. 13, No. 1. P. 21–30.
- Davutoglu A.* A Just Memory For All: Article by H.E. Ahmet Davutoğlu, Minister of Foreign Affairs of Turkey. 2014b. 4 May. [Электронный ресурс]. http://www.mfa.gov.tr/a-just-memory-for-all-article-by-h_e_-ahmet-davutoglu_-minister-of-foreign-affairs-of-turkey.en.mfa;
- Demirchyan A.* Karoti yev nahanji t’eman sp’yur’qahay grakanut’yan mej [Тема ностальгии и отступления в литературе армянской диаспоры] // Вестник общественных наук. 1994. № 1. С. 85–90. (на арм. яз.)
- Der Matossian B.* The Horros of Adana: Revolution and Violence in the Early Twentieth Century. Redwood City, CA: Stanford University Press, 2022.
- Fischer M. M.J., Abedi M.* Debating Muslims: Cultural Dialogues in Postmodernity and Tradition. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1990. P. 335–382, 492–500.
- Gasparyan R.* Adanayi 1909 t. kotoracnerə [Погромы армян Аданы 1909 г.] // Вестник общественных наук 1990. № 4. С. 24–35. (на арм. яз.)
- Gzoyan E.* Artsakh: A Genocide by Attrition. 2023a. 19 January. [Электронный ресурс]. <http://www.genocide-museum.am/eng/1.19.01.23.php>.
- Gzoyan E.* [Без названия]. 1 August, 2023b. [Электронный ресурс]. <http://www.genocide-museum.am/eng/01.8.23.php>.
- Gzoyan E.* Save Artsakh 2023c, 21 September. [Электронный ресурс]. <http://www.genocide-museum.am/eng/21.09.23.php>.
- Hanaway W.* The Symbolism of Persian Revolutionary Posters // Barry M. Rosen (ed.). Iran Since the Revolution: Internal Dynamics, Regional Conflict, and the Superpowers. NY: Social Science Monographs, Boulder, 1985. P. 31–50.
- Harutyunyan A.* Van-Vaspuarakani azgabnakchut’yan mec gaghtə: patchar’nerə, ənt’ats’qə, hetevanqnerə yev pataskhanatvut’yunə [Великое насильственное переселение населения Ван-Вапуракана: причины, процесс, последствия и ответственность] // Marutyun H. (comp. and ed.), Hayastani mayraqaghqnerə. Girq I: Van. Van qaghaci ar’ajin hishatakut’yan 2865-amyakin nvirvac mijazgayin gitazhoghovi (7–9 hoktemberi 2010 t.) [Столицы Армении. Книга I: Ван. Сборник материалов международной конференции, посвященной 2865-летию первого упоминания города Ван (7–9 октября 2010 г.)]. Ереван: Гитутюн, 2013. С. 170–196. (на арм. яз.)

- Harutyunyan A.* Van-Vaspuarakani kronamshakut'ayin kyanqə yev petakanut'yan stegheman pordzə (1908–1918 tt.) [Религиозно-культурная жизнь Вана-Васпуракана и опыт создания государственности (1908–1918 гг.)]. Эчмиадзин: Изд-во Святопрестольного Эчмиадзина, 2018. (на арм. яз.)
- Isahakyan A.* Shushva kotoracə // *Grakan t'ert'*. 1988. 11 November, № 46 (2314). (на арм. яз.)
- Libaridian G.* Commentary on FM Davutoglu's TPQ Article on the Armenian Issue // *Transatlantic Policy Quarterly* (TPQ). 2015. June 12. [Электронный ресурс]. <http://turkishpolicy.com/debate-article/1/commentary-on-fm-davutoglus-tpq-article-on-the-armenian-issue>
- Kaputikyan S.* Ejer p'ak gzrots'nerits' [Страницы из закрытых полок]. Yerevan: Apollon, 1997. (на арм. яз.)
- Keorkizian A.* Vaspuarakani herosamartə. 1915 aprili 7–1915 mayisi 7: Huys yev luys [Героическая самооборона Васпуракана. 7 апреля 1915–7 мая 1915. Надежда и свет]. Бейрут: Изд-во Текеянского культурного союза, 1965.
- Khachatryan P.* Hay mijnadaryan patmakan voghber (XIV–XVII darer) [Средневековые армянские исторические плачи (XIV–XVII века)]. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969.
- Khachatourian A.* «Just memory»: *Davutoglu Urges Armenians to Deny the Genocide* // *Asbarez*. 2014. June 26. [Электронный ресурс]. <http://asbarez.com/124462/just-memory-davutoglu-urges-armenians-to-deny-the-genocide/>.
- Laba R.* *The Roots of Solidarity: A Political Sociology of Poland's Working Class Democratization*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. P. 126–154.
- Leo.* Antsyalyits': husher, t'ght'er, datumner [Из прошлого: мемуары, статьи, суждения]. Тифлис: Изд-во Кхорхрадин Ковкас [Советский Кавказ], 1925. (на арм. яз.)
- Libaridian G.* Commentary on FM Davutoglu's TPQ Article on the Armenian Issue // *Transatlantic Policy Quarterly* (TPQ). 2015. June 12. [Электронный ресурс]. <http://turkishpolicy.com/debate-article/1/commentary-on-fm-davutoglus-tpq-article-on-the-armenian-issue>
- Manucharyan A.* 1918 t. Baqvi haykakan jarderə (GFH-i artaqin gorts'eri ministrut'yan qaghaqakan arkhivi p'astat'ght'erə)» [Погромы армян в Баку 1918 г. (документы политического архива Министерства иностранных дел ФРГ) // Вестник общественных наук 1990. № 6. С. 77–88. (на арм. яз.)
- Marutyan H.* *Iconography of Armenian Identity. Vol. 1: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement*. Yerevan: Gitutyun, 2009.
- Marutyan H.* «Gharabaghyan sharzhman kam Haykakan heghap'okhut'yan (1988–1990) himnakan ar'andznahatkut'yunnerə» [Основные особенности Карабахского движения, или Армянской революции] // *Galstyan H. Chugharkvac namakner* [Неотправленные письма]. Ереван: Гаспринт, 2013а. С. 9–17.

- Marutyan H.* Tseghaspanut'yan zohi barduyt'i hagt'aharumə Gharabaghyan sharzhman tarinerin [Преодоление комплекса жертвы геноцида в годы Карабахского движения]. // *Vem hamahaykakan handes* [Вем, общеоармянский журнал]. 2013b. № 1. С. 154–164. (на арм. яз.)
- Marutyan H.* Trauma and Identity: On Structural Particularities of Armenian Genocide and Jewish Holocaust // *International Journal of Armenian Genocide Studies* 2014a. № 1 (1). P. 53–69.
- Marutyan H.* Museums and Monuments: Comparative Analysis of Armenian and Jewish Experiences in Memory Policies // *Études Arméniennes Contemporaines* 3: Juifs, Arméniens: un siècle d'État, 2014b. P. 57–79.
- Marutyan H.* Inqnapashpanut'yan fenomenə Hayots' ts'eghaspanut'yan tarinerin yev hishataki orva verabanadzevman khndirə» [Феномен самообороны в годы Геноцида армян и проблема переформулировки Дня памяти] // *Ts'eghaspanagitakan handes* [Журнал исследований геноцида] 3. 2015. No. 1–2, P. 76–80. (на арм. яз.)
- Marutyan H.* The Issue of the Rescue of Armenians by Ottoman Subjects During the Armenian Genocide // *Journal of the Society for Armenian Studies*. 2017. Vol. 26. P. 39–61.
- Marutyan H.* P'rkchits minchev patzhich. khorhrdayin banakə Gharabaghyan sharzhman tsutsapastarnerum [От спасителя до карателя: советская армия в транспарантах Карабахского движения] // *Gitakan ənt'ertsumner (hodvacneri zhoghovacu)*. Gharabaghyan sharzhman 30-rd taredardzin nvirvac gitazhoghovi nyut'er [Научные чтения (сб. статей). Мат-лы научной конференции, посвященной 30-летию Карабахского движения]. Степанакерт: Изд. Арцахского гос. ун-та, 2018a. С. 477–490. (на арм. яз.)
- Marutyan H.* Hayots' ts'eghaspanut'yan zoheri hishataki orva dzevavorumə, zargats'umnerə, merorya vichakə (mas 2) [Формирование и трансформация дня памяти жертв Геноцида армян (часть 2)] // *Ts'eghaspanagitakan handes* [Журнал исследований геноцида] 6, 2018b. No. 2. С. 103–142. (на арм. яз.)
- Marutyan H.* Hayots' ts'eghaspanut'yan tarinerin hayeri irakan yev keghc p'rkut'yan khndri shurj [О проблеме истинного и ложного спасения армян в годы Геноцида армян] // *Вестник общественных наук*. 2018с. No. 2. С. 30–60.
- Marutyan H.* Rescuing Armenians during the Genocide: The Righteous Among the Nations Approach // István Ötvös, Zsuzsanna Keresztfalvi (eds). *The First International Conference on Nations under Genocide*. Pazmany Peter Catholic University, Salahaddin University-Erbil, 19–21 April 2017, Budapest. Budapest: St Stephen's Society Publishers to the Holy See, 2018d. P. 35–47.
- Marutyan H.* Hayots' ts'eghaspanut'yan nahatakneri srbadasumə vorpes mshakut'ayin yerevuyt' [Канонизация мучеников Геноцида армян как социально-культурное явление] // H. Marutyan, T. Naupetyan, S. Hobosyan (eds). *Hnagitut'yan yev azgagrut'yan instituti ashkhatut'yunner*, 1. *Hay zhoghovrdakan mshakuyt', XVII: Avandakanə yev ardiakanə hayots' mshakuyt'um* [Труды Института археологии и этнографии, 1. Армянская народная культура, XVII. Традиционное и современное в армянской культуре]. Ереван: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2018е. С. 54–64.

- Marutyan H.* Роль «Центра»/Москвы и память о Геноциде: визуализация представлений во время Карабахского движения (1988–1990) // *Az Emlékezet Sváz Éve. Így látja az utókor az örmény népiartást. Szerkesztette: Botos Máté, Kovács Bálint. Studia Armenologica Hungarica, 1. L'Harmattan — Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Budapest, 2019. P. 192–216 (на венгерском яз.).*
- Marutyan H.* Sahmanadrakan payk'arə Hayastani ankakhatsman tchanaparhin: Sahmnadrut'yan masin patkeratsummerə, ənkalumnerə, gnahatakannerə Gharabaghyan sharzhman tarinerin [Конституционная борьба на пути к независимости Армении: Представления, восприятия, оценки Конституции в годы Карабахского движения] // G. Harutyunyan, A. Movsisyan, verapatveli A. Poghosyan (ред.). Sahmanadrakan mshakuyt'i arzhebanakan akunk'nerə hay zhoghovrdi hazaramya taregrut'yan calk'erum [Ценностные истоки конституционной культуры в закоулках тысячелетних исторических хроник армянского народа]. Святопрестольный Эчмиадзин, 2020a. С. 643–680.
- Marutyan H.* The Main Characteristics of Armenian First and Second Revolutions: Preliminary Observations // A. Voskanyan (ed.). Armenia 2018: Realities and Perspectives. Yerevan: Armenian Research Center in Humanities, 2020b. Vol. 2. P. 250–260.
- Marutyan H.* Neracut'yun [Введение] // Marutyan H., Margaryan N. (eds). Hayeri p'rkut'yan gorcə Merdzavor Arevelqum 1915–1923 t't'. Mijazgayin gitazhoghovi nyut'eri zhoghovacu [Дело спасения армян на Ближнем Востоке в 1915–1923 гг. Сборник материалов международной конференции]. Ереван: Изд-во фонда «Музей-институт Геноцида армян», 2020с. С. 11–26. (на арм. яз.)
- Marutyan H.* The Demonstrations of April 24, 1990, and the Overcoming of the Genocide Victim Stereotype // Altuğ Y. (ed.). Critical Approaches to Armenian Identity in the 21st Century: Vulnerability, Resilience, and Transformation. Istanbul: HDV Publications, 2021a. P. 130–152.
- Marutyan H.* «Hishum em ev pahanjum» kargakhosə ev Hayots tseghaspanut'yan hishoghut'yan p'okhantsman martahravernerə 21-rd darum [Девиз «Помню и требую» и вызовы XXI века, связанные с передачей памяти о Геноциде армян] // Ts'eghaspanagitakan handes [Журнал исследований геноцида] 9. 2021b. No. 2. С. 9–54. (на арм. яз.)
- Marutyan H.* April 24. Formation, Development and Current State of the Armenian Genocide Victims Remembrance Day // Remembering the Great War in the Middle East: From Turkey and Armenia to Australia and New Zealand (eds H.-L. Kieser, Th. Schmutz, P. Nunn). Bloomsbury Publishing; I.B. Tauris, 2022a. P. 61–82.
- Marutyan H.* Hayots' ts'eghaspanut'yan t'emayi dasavandman himnakhndirnerə Hayastanum arzheqayin koghmnoroshumneri hamateqstum [Проблемы преподавания предмета «Геноцид армян» в контексте ценностных ориентаций в Армении] // Vem hamahaykakan handes [Вем, общearмянский журнал]. 2022b. № 3. С. 10–32. (на арм. яз.)
- Marutyan H., Abrahamian L.* The «Karabagh — Armenia» Theme in the Iconography of Armenian Identity (Based on Posters and Banners from the Karabagh Movement) // International Journal of Armenian Genocide Studies 7. 2022. No. 2. P. 7–62.

- Miller D. E., Touryan Miller L.* Survivors: An Oral History of the Armenian Genocide. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1993.
- Minasyan E.* Hayeri inqnapashtpanakan herosamarterə 1915 t'vakani [Героическая самооборона армян в 1915 г.] // *Haykakan banak* [Армянская армия]. 2015. № 1–2. С. 88–134.
- Mirzoyan S., Ghaziyan A.* (comp.). Hayeri kotoracnerə Baqvi yev Yelizavetpoli nahangnerum 1918–1920 tt. P'astat'ght'eri yev nyut'eri zhoghovatsu [Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг. Сборник документов и материалов]. Ереван: Исторический архив Армении, 2003.
- Nazaryan Sh.* Voghbi yev stap'man banasteghcut'yun. XVIII dar [Поэзия скорби и про-
буждения. XVIII в.]. Ереван: Изд-во АН РА, 1992.
- Nersisyan M., Sahakyan R.* (eds.). Hayeri ts'eghaspanut'yunə Osmanyen kaysrut'yunum. P'astat'ght'eri yev nyut'eri zhoghovacu [Геноцид армян в Османской империи. Сбор-
ник документов и материалов]. Ереван: Изд-во Айастан, 1982.
- Nora P.* The Era of Commemoration // *Realms of Memory: The Construction of the French Past. Vol. III: Symbols* (under the direction of Pierre Nora). New York: Columbia University Press, 1998. P. 609–637, 702–707.
- Ocampo L. M.* Expert Opinion: Genocide against Armenians in 2023. 2023, August 7. [Электронный ресурс]. https://luismorenoocampo.com/wp-content/uploads/2023/08/Armenia-Report-Expert-Opinion.pdf?utm_source=Web&utm_medium=Landing&utm_campaign=Downloads.
- Ohanian S.* The Passage of Van-Vaspourakan Refugees' Through Persia, March — August 1918 (Under the Leadership of K. Hambardzoumian and L. Shaghoyan) // *Review of Armenian Studies* 2. 2019. P. 30–45.
- Papazyan A.* (comp.). Van-Vasporakani herosamartə — 75 [Героическая самооборона Ван-
Васпуракана — 75]. Ереван: Айастан, 1990.
- Perperian N., Mahserch'ian, S. et al.* Herosapatum Mec Yegher'ni [Героика Мец Егерна]. Бейрут: Аздак, 1978.
- Preliminary opinion on the situation in Nagorno-Karabakh and on the need for the international community to adopt measures to prevent atrocity crimes. 2023. August 23. [Электронный ресурс]. https://un.mfa.am/file_manager/un_mission/Preliminary%20Opinion%20-%2023.08.2023.pdf?fbclid=IwAR0ydh2YB6zd2brS1mQRwUSuCIeSZDqODmB3Js3P5aDfywDIGzIoxthcUIA.
- Sahakyan R.* Arevmtahayut'yan ts'eghaspanut'yunə yev inqnapashtpanakan kr'ivnerə 1915 t'vakani [Геноцид западных армян и самооборонительные бои в 1915 г.]. Ереван: Изд-во НАН РА, 2005.
- Sahakyan R.* Inqnapashtpanakan kr'ivnerə Arevmtyan Hayastanum 1915 t'vakani yev HH Dashnaks'tut'yunə [Самооборонительные бои в Западной Армении в 1915 г. и Ар-
мянская революционная федерация Дашнакцутюн]. Ереван, 2010.

- Senjkovic R.* In the Beginning there were a Coat of Arms, a Flag and a Pleter // L.C. Feldman, I. Prica, R. Senjkovic (eds). *Fear, Death and Resistance. An Ethnography of War: Croatia 1991–1992.* Zagreb: Institute of Ethnology and Folklore Research, Matrix Croatica, X-Press, 1993. P. 24–43.
- Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // *Social Forces* 61. 1982. No. 2 (December). P. 374–402.
- Sevan G.* *Spyur'qahay grakanut'yan patmut'yan urvagser (1920–1945)* [Очерки истории зарубежной армянской литературы]. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980.
- Simonyan H.* *Nayeri zangvacayin kotoracnerə Kilikiayum (1909 t. april)* [Массовые погромы армян в Киликии (апрель 1909 г.)]. Ереван: Изд-во Ереванского государственного университета, 2009.
- Statement from a group of Genocide scholars on the Imminent Genocidal Threat deriving from Azerbaijan and Turkey against Artsakh (Nagorno-Karabakh). 2020. October 23. [Электронный ресурс]. <http://www.genocide-museum.am/eng/23.10.2020.php>.
- Suny R. G.* *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History.* Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1993.
- Svazlyan V.* *Kilikiya: arevmtahayots banavor avandut'yunə* [Киликия: устная традиция западных армян]. Ереван: Гитутюн, 1994.
- Svazlyan V.* *Meс yegher'n: arevmtahayots banavor vkayut'unnerə* [Месяц егерн: устные свидетельства западных армян]. Ереван: Гитутюн, 1995.
- Svazlyan V.* *Hayoc tseghaspanut'un: akanates veraproghneri vkayut'unnerə* [Геноцид армян: свидетельства переживших его очевидцев]. Ереван: Гитутюн, 2000.
- Svazlyan V.* *Hayoc tseghaspanut'unə ev patmakan hishoghut'yunə* [Геноцид армян и историческая память]. Ереван: Гитутюн, 2003.
- Tatoyan R.* *WWI Armenian Refugees Census Data as a Source for Ottoman Armenian Population Numbers on the Eve of the Armenian Genocide* // *International Journal of Armenian Genocide Studies* 5. 2020. No. 1. P. 55–65.
- Torosyan Sh.* *Kilikiayi hayeri azgayin-azatagrakan sharzhumnerə 1919–1920 tt.* [Национально-освободительные движения армян Киликии в 1919–1920 гг.]. Ереван: Изд-во Ереванского государственного университета, 1987.
- Yesaian Z.* *Averaknerun mej. Tiv 1* [Среди руин. № 1]. Константинополь, 1911.
- Zerubavel E.* *Social Memories: Steps to a Sociology of the Past* // *Qualitative Sociology*. 1996. Vol. 19, No. 3. P. 283–299.

Research Article

Marutyan A. The Armenian Genocide: Memory and Identity [Genocid arman: pamiat' i identichnost'] *Anthropologies*, 2023, No 2, pp. 68–111, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/68-111>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Marutyan A. | hmarutyan@yahoo.com <https://orcid.org/0000-0002-9187-623X> | of the Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Chief Researcher; Head. department of the Armenian Genocide Museum-Institute

Abstract

The article discusses some aspects of the anthropological study of the memory of the Armenian Genocide and its impact on the formation of identity in the late 20 — early 21 centuries. In particular, the influence of the Karabakh movement in Armenia (1988–1990) and especially the pogroms of Armenians in Sumgait (February 27–29, 1988) on the formation of the leading position of the memory of the Genocide, which in its development led to an increase in the political maturity of the masses, changing stereotypes formed over centuries and decades, rethinking the past and present, and to prevent future genocides the necessity of fundamental political transformations in society, namely, the creation of an independent state, was realized. In fact, in the case of the Karabakh movement, the memory of the Genocide becomes the means that allows democratic reforms to be carried out. This process is shown by analyzing the iconography (banners and posters) created during the Movement.

The second part of the article examines individual episodes of the memory of the Armenian Genocide in connection with the events marking its centenary in 2015. In the Pan-Armenian Declaration on the 100th anniversary of the Armenian Genocide, it was indicated that the main slogan will be the expression «I remember and demand». The article raises questions: who, what and how do I remember, what, from whom and how do I demand? Only two questions are analyzed: who I remember and how I remember.

The topic of the «rescue» of Armenians by Turks/Kurds during the Genocide is also briefly studied. Studies show that the so-called «rescues» were accompanied by robbery, sexual and economic exploitation, the demand for apostasy, the violation of promises of salvation and the murder of the «saved», in short, «saved» for selfish reasons, the actions of the «saviors» did not carry any risk for them. In other words, if we are guided by international criteria, there were very few true rescues, and their emphasis pursues only political and propaganda purposes. From the position of an ethnographer, the canonization of the victims of the Genocide, which took place on April 24, 2015, is also considered.

In conclusion, the fact of the repetition of the genocide a hundred years later is briefly considered, namely, the ethnic cleansing that took place in the Nagorno-Karabakh Republic in 2023. It is concluded that this will obviously lead to the formation of a new layer of the collective memory of Armenians.

Keywords: Armenian Genocide, collective memory, Karabakh movement, independence, «I remember and demand», canonization of martyrs, Nagorno-Karabakh, ethnic cleansing

References

A-Do. 1917. *Mec depqerə Vaspurakanum 1914–1915 t'vakannerin* [Great events in Vaspurakan in 1914–1915]. Yerevan: Luys.

- Ablazhei, N. 2011. Deportaciai armian v Altaiskii kraii v 1949 g. [Deportation of Armenians to Altai Krai in 1949]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1: 47–53.
- Akcam, T. 2010. What Davutoglu Fails to Understand. *The Armenian Weekly*, May 19. URL: <http://armenianweekly.com/2010/05/19/akcam-davutoglu/>
- Aulich, J., Wilcox, T. (eds). *Europe Without Walls: Art, Posters and Revolution 1989–93*. 1993. Manchester: Manchester City Art Gallery.
- Chalhush'ian, G. 1919. *Krasnaia kniga* [The Red Book]. Rostov-D: Tipografiia «Ashkhatank».
- Craven, D. 2002. *Art and Revolution in Latin America, 1910–1990*. New Haven; L.: Yale University Press.
- Cultural Representations in the Middle East: Political Cartoons. 1997. *Princeton Papers: Interdisciplinary Journal of Middle Eastern Studies*. Special issue, 6. Princeton.
- Davutoglu, A. 2014a. Turkish-Armenian Relations in the Process of De-Ottomanization or «Dehistorization»: is a «Just Memory» Possible? *Turkish Policy Quarterly*, 13, 1: 21–30.
- Davutoglu, A. 2014b. A Just Memory For All. Article by H.E. Ahmet Davutoğlu, Minister of Foreign Affairs of Turkey, 4 May 2014. URL: <http://www.mfa.gov.tr/a-just-memory-for-all-article-by-he-ahmet-davutoglu-minister-of-foreign-affairs-of-turkey.en.mfa;>
- Demirchyan, A. 1994. Karoti yev nahanji t'eman sp'yur'qahay grakanut'yan mej [The theme of nostalgia and retreat in the literature of the Armenian Diaspora]. *Vestnik obshchestvennyh nauk*, 1: 85–90.
- Der Matossian, B. 2022. *The Horros of Adana: Revolution and Violence in the Early Twentieth Century*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Fischer, M.M.J., Abedi M. 1990. *Debating Muslims: Cultural Dialogues in Postmodernity and Tradition*. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press: 335–382, 492–500.
- Gasparyan, R. 1990. Adanayi 1909 t. kotoracnerə [Pogroms of the Armenians of Adana in 1909]. *Vestnik obshchestvennyh nauk*, 4: 24–35.
- Gzoyan, E. 2023a, 19 January. Artsakh: A Genocide by Attrition. URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/1.19.01.23.php>.
- Gzoyan, E. 2023b, 1 August. [No title]. URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/01.8.23.php>.
- Gzoyan, E. 2023c. Save Artsakh. 21 September. URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/21.09.23.php>.
- Hanaway, W. 1985. The Symbolism of Persian Revolutionary Posters. Barry M. Rosen (ed.). *Iran Since the Revolution: Internal Dynamics, Regional Conflict, and the Superpowers*. NY: Social Science Monographs, Boulder: 31–50.

- Haratian, G. 2020. *Vyselenie armian «navechno» 1949 goda. Analiz i arhivnie dokumenty (k 70-letiiu etnicheskoj deportacii armian)* [The eviction of Armenians «forever» in 1949. Analysis and archival documents (on the 70th anniversary of the ethnic deportation of Armenians)]. Erevan: Izd-vo In-a arheologii i etnografii Nacional'noi akademii nauk Armenii.
- Harutyunyan, Avetis. 2013. «Van-Vasporakani azgabnakchut'yan mec gaghtə: patchar'nerə, ənt'ats'qə, hetevanqnerə yev pataskhanatvut'yunə» [The Great Forced Relocation of the Van Vapurakan population: causes, process, consequences and responsibility]. Marutyan, H. (comp. and ed.), 2013. *Hayastani mayraqaghaqnerə. Girq I: Van. Van qaghaqi ar'ajin hishatakut'yan 2865-amyakin nvirvac mijazgayin gitazhoghovi (7–9 hoktemberi 2010 t.)* [The capitals of Armenia. Book I: Van. Collection of materials of the international conference dedicated to the 2865th anniversary of the first mention of the city of Van (October 7–9, 2010)]. Yerevan: 170–196.
- Harutyunyan, A. 2018. *Van-Vasporakani kronamshakut'ayin kyanqə yev petakanut'yan steghman pordə (1908–1918 tt.)* [Religious and cultural life of Van-Vasporakan and the experience of creating statehood (1908–1918)]. Etchmiadzin: Publishing House of the Holy See of Etchmiadzin.
- Isahakyan, A. 1988. Shushva kotoracə. *Grakan t'ert'*, 11 November, 46 (2314).
- Ishkhanyan, B. 1920. *Velikie uzhasy v gorode Baku. Anketnoe issledovanie sentyabrskih sobytij 1918 g.* [Great horrors in the city of Baku. Questionnaire study of the September events of 1918]. Tiflis: Izdanie Anketnoi Komissii pri Bakinskom Armianskom Nacional'nom Sovete.
- Libardian, G. 2015. Commentary on FM Davutoglu's TPQ Article on the Armenian Issue. *Transatlantic Policy Quarterly (TPQ)*, June 12. URL: <http://turkishpolicy.com/debate-article/1/commentary-on-fm-davutoglus-tpq-article-on-the-armenian-issue>
- Kaputikyan, S. 1997. *Ejer p'ak gzrots'nerits'* [Pages from closed shelves]. Yerevan: Apollon.
- Keorkizian, A. 1965. *Vasporakani herosamartə. 1915 aprili 7–1915 mayisi 7: Huys yev luys* [The heroic self-defense of Vasporakan. April 7, 1915 — May 7, 1915. Hope and light]. Beirut: Publishing House of the Tekeyan Cultural Union.
- Khachatryan, P. 1969. *Hay mijnadaryan patmakan voghber (XIV–XVII darer)* [Medieval Armenian historical lamentations (XIV–XVII centuries)]. Yerevan: Izd-vo AN Arm. SSR.
- Khachatourian, A. 2014. «Just memory»: *Davutoglu Urges Armenians to Deny the Genocide. Asbarez*, June 26. URL: <http://asbarez.com/124462/just-memory-davutoglu-urges-armenians-to-deny-the-genocide/>.
- Laba, R. 1991. *The Roots of Solidarity: A Political Sociology of Poland's Working Class Democratization*. Princeton, N.J.: Princeton University Press: 126–154.
- Leo. 1925. *Antsyalyits': husher, t'ght'er, datumner* [Из прошлого: мемуары, статьи, суждения]. Tiflis: Izd-vo Khorhrdain Kovkaz (Soviet Kavkas).

- Libaridian, G. 2015. Commentary on FM Davutoglu's TPQ Article on the Armenian Issue. *Transatlantic Policy Quarterly (TPQ)*, June 12. URL: <http://turkishpolicy.com/debate-article/1/commentary-on-fm-davutoglus-tpq-article-on-the-armenian-issue>
- Manucharyan, A. 1990. 1918 t. Baqvi haykakan jarderə (GFH-i artaquin gorts'eri ministrut'yan qaghaqakan arkhivi p'astat'ght'erə) [Pogroms of Armenians in Baku in 1918 (documents of the political archive of the Ministry of Foreign Affairs of Germany)]. *Vestnik obshchestvennyh nauk*, 6: 77–88.
- Marutyan, H. 2004. Faktor istoricheskoi pamiati v kontekste Armyanskoi revolyucii 1988–1990 gg. [The factor of historical memory in the context of the Armenian Revolution of 1988–1990.]. G. Gambashidze (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Arheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza»*. Sbornik kratkih sodержaniy dokladov. Tbilisi: Nekeru, s. 215.
- Marutyan, H. 2007. Obyknovennaia zhizn' v neobyknovennykh usloviiah (travmaticheskii byt v stalinskoj ssylke i sposoby ego preodoleniia) [Ordinary life in extraordinary conditions (traumatic life in Stalin's exile and ways to overcome it)]. A. Aleksanian. *Sibirskii dnevnik: 1949–1954 gg.* Erevan: Izd-vo Nacional'noj akademii nauk Armenii: 35–54.
- Marutyan, H. 2009. *Iconography of Armenian Identity. Volume 1: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement*. Yerevan: Gitutyun.
- Marutyan, H. 2013. K voprosu ob ikonograficheskom vospriiatii pamiati Pervoi mirovoi voyny v armianskoi deistvitel'nosti [On the question of the iconographic perception of the memory of the First World War in the Armenian Reality]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*, 1: 3–21.
- Marutyan, H. 2013a. Gharabaghyan sharzhman kam Haykakan heghap'okhut'yan (1988–1990) himnakan ar'andznahatkut'yunnerə [The main features of the Karabakh movement, or the Armenian Revolution]. H. Galstyan. *Chugharkvac namakner [Unsent emails]*. Yerevan: Gasprint: 9–17.
- Marutyan, H. 2013b. Tseghaspanut'yan zohi barduyt'i haght'aharumə Gharabaghyan sharzhman tarinerin» [Overcoming the complex of the victim of genocide during the years of the Karabakh movement]. *Vem hamahaykakan handes [Vem, pan-Armenian magazine]*, 1: 154–164.
- Marutyan, H. 2014a. Trauma and Identity: On Structural Particularities of Armenian Genocide and Jewish Holocaust. *International Journal of Armenian Genocide Studies* 1, 1: 53–69.
- Marutyan, H. 2014b. Museums and Monuments: Comparative Analysis of Armenian and Jewish Experiences in Memory Policies. *Études Arméniennes Contemporaines* 3: Juifs, Arméniens: un siècle d'État: 57–79.
- Marutyan, H. 2015. Pamiatnik ili muzej? Politika pamiati na rodine i v diaspore (na primere armianskogo i evreiskogo opyta) [Monument or museum? The politics of memory at home and in the Diaspora (using the example of the Armenian and Jewish experience)]. *Diaspory: nezavisimy nauchnyi zhurnal*, 1–2: 8–30.

- Marutyan, H. 2015. Inqnapashtpanut'yan fenomenə Hayots' ts'eghaspanut'yan tarinerin yev hishataki orva verabanadzevman khndirə [The phenomenon of self-defense during the Armenian Genocide and the problem of reformulating the Memorial Day]. *Ts'eghaspanagitakan handes [Journal of Genocide Studies]* 3, 1–2: 76–80.
- Marutyan, H. 2017. The Issue of the Rescue of Armenians by Ottoman Subjects During the Armenian Genocide. *Journal of the Society for Armenian Studies*, 26: 39–61.
- Marutyan, H. 2018a. P'rkchits minchev patzhich. khorhrdayin banakə Gharabaghyan sharzhman tsutsapastarnerum» [From Savior to punisher: the Soviet army in the banners of the Karabakh movement]. *Gitakan ənt'ertsummer (hodvacneri zhoghovacu). Gharabaghyan sharzhman 30-rd taredardzin nvirvac gitazhoghovi nyut'er [Scientific readings (collection of articles). Materials of the scientific conference dedicated to the 30th anniversary of the Karabakh movement]*. Stepanakert: 477–490.
- Marutyan, H. 2018b. Hayots' ts'eghaspanut'yan zoheri hishataki orva dzevavorumə, zargats'umnerə, merorya vichakə (mas 2) [Formation and Transformation of the Armenian Genocide Memorial Day (Part 2)]. *Ts'eghaspanagitakan handes [Journal of Genocide Studies]*, 6, 2: 103–142.
- Marutyan, H. 2018c. Hayots' ts'eghaspanut'yan tarinerin hayeri irakan yev keghc p'rkut'yan khndri shurj [On the problem of true and false salvation of Armenians during the years of the Armenian Genocide]. *Vestnik obshchestvennyh nauk*, 2: 30–60.
- Marutyan, H. 2018d. Rescuing Armenians during the Genocide: The Righteous Among the Nations Approach. I. Ötvös, Z. Keresztfalvi (eds). *The First International Conference on Nations under Genocide. Pazmany Peter Catholic University, Salahaddin University-Erbil, 19–21 April 2017, Budapest*. Budapest: St Stephen's Society Publishers to the Holy See: 35–47.
- Marutyan, H. 2018e. Hayots' ts'eghaspanut'yan nahatakneri srbadasumə vorpes mshakut'ayin yerevuyt' [Canonization of the Martyrs of the Armenian Genocide as a socio-cultural phenomenon]. H. Marutyan, T. Hayrapetyan, S. Hobosyan (eds). *Hnagitut'yan yev azgagrut'yan instituti ashkhatut'yunner, 1. Hay zhoghovrdakan mshakuyt', XVII: Avandakanə yev ardiakanə hayots' mshakuyt'um* [Proceedings of the Institute of Archaeology and Ethnography, 1. Armenian Folk Culture, XVII. Traditional and modern in Armenian culture]. Yerevan: Institute of Archeology and Ethnography, c. 54–64.
- Marutyan, H. 2019. Az Emlékezet Sváz Éve. Így látja az utókor az örmény népirtást [The role of the «Center»/Moscow and the Memory of the Genocide: visualization of Ideas during the Karabakh movement (1988–1990)]. Szerkesztette: Botos Máté, Kovács Bálint. *Studia Armenologica Hungarica*, 1. L'Harmattan — Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Budapest: 192–216. (in Hungarian).
- Marutyan, H. 2020a. Sahmanadrakan payk'arə Hayastani ankakhatsman tchanaparhin: Sahmnadrut'yan masin patkeratsummerə, ənkalumnerə, gnahatakannerə Gharabaghyan sharzhman tarinerin [Constitutional Struggle on the Way to Armenia's Independence: Perceptions, Perceptions, Assessments of the Constitution during the Years of the Karabakh Movement]. G. Harutyunyan, A. Movsisyan, Rev. A. Poghosyan (eds). *Sahmanadrakan mshakuyt'i arzhebanakan akunk'nerə hay zhoghovrdi hazaramya taregrut'yan calk'erum [The value origins of Constitutional Culture in the corners of the Millennial Historical Chronicles of the Armenian people]*. Holy See of Echmiadzin: 643–680.

- Marutyan, H. 2020b. The Main Characteristics of Armenian First and Second Revolutions: Preliminary Observations. A. Voskanyan (ed.). *Armenia 2018: Realities and Perspectives*. Yerevan: Armenian Research Center in Humanities, 2: 250–260.
- Marutyan, H. 2020c. Neracut'yun [Introduction]. Marutyan H., Margaryan N. (eds). *Hayeri p'rkut'yan gorcə Merdzavor Arevelqum 1915–1923 t'v'. Mijazgayin gitazhoghovi nyut'eri zhoghovacu [The cause of saving Armenians in the Middle East in 1915–1923. Collection of materials of the international conference]*. Yerevan: Armenian Genocide Museum-Institute Foundation: 11–26.
- Marutyan, H. 2021a. The Demonstrations of April 24, 1990, and the Overcoming of the Genocide Victim Stereotype. Altuğ Y. (ed.). *Critical Approaches to Armenian Identity in the 21st Century: Vulnerability, Resilience, and Transformation*. Istanbul: 130–152.
- Marutyan, H. 2021b. «Hishum em ev pahanjum» kargakhosə ev Hayots tseghaspanut'yan hishoghut'yan p'okhantsman martahravernerə 21-rd darum [The motto «I remember and demand» and the challenges of the 21st century related to the transmission of the memory of the Armenian Genocide]. *Ts'eghaspanagitakan handes [Journal of Genocide Studies]* 9, 2: 9–54.
- Marutyan, H. 2022a. April 24. Formation, Development and Current State of the Armenian Genocide Victims Remembrance Day. *Remembering the Great War in the Middle East: From Turkey and Armenia to Australia and New Zealand* (eds. H.-L. Kieser, Th. Schmutz, P. Nunn). Bloomsbury Publishing; I.B. Tauris: 61–82.
- Marutyan, H. 2022b. Hayots' ts'eghaspanut'yan t'emayi dasavandman himnakhndirnerə Hayastanum arsheqayin koghmnoroshumneri hamateqstum [Problems of teaching the subject «Armenian Genocide» in the context of value orientations in Armenia], *Vem hamahaykakan handes [Vem, pan-Armenian magazine]*, 3: 10–32.
- Marutyan, H, Abrahamian, L. 2022. The «Karabagh — Armenia» Theme in the Iconography of Armenian Identity (Based on Posters and Banners from the Karabagh Movement). *International Journal of Armenian Genocide Studies* 7, 2: 7–62.
- Mikaelian, V. (ed.). 1992. *Nagornyi Karabah v 1918–1923 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Nagorno-Karabakh in 1918–1923. Collection of documents and materials]*. Erevan: Izd-vo AN Armenii.
- Miller, D.E., Touryan-Miller, L. 1993. *Survivors: An Oral History of the Armenian Genocide*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Minasyan, E. 2015. Hayeri inqnapashtpanakan herosamarterə 1915 t'vakani [Heroic self-defense of Armenians in 1915]. *Haykakan banak [Armenian Army]* 1–2: 88–134.
- Mirzoyan, S., and Ghaziyani, A. (comp.). 2003. *Hayeri kotoracnerə Baqvi yev Yelizavetpoli nahangnerum 1918–1920 tt. P'astat'ght'eri yev nyut'eri zhoghovatsu [Pogroms of Armenians in Baku and Elizavetpol provinces in 1918–1920. Collection of documents and materials]*. Yerevan: Historical Archive of Armenia.
- Nazaryan, Sh. 1992. *Voghbi yev stap'man banasteghc'yun. XVIII dar [The poetry of sorrow and awakening. XVIII century]*. Yerevan: RA Academy of Sciences.

- Nersisyan, M., Sahakyan, R. (comp.). *Hayeri ts'eghaspanut 'yunə Osmanyany kaysrut 'yunum. P'astat'ght'eri yev nyut'eri zhoghovacu [The Armenian Genocide in the Ottoman Empire. Collection of documents and materials]*. Yerevan: Hayastan.
- Nora, Pierre. 1998. The Era of Commemoration. *Realms of Memory: The Construction of the French Past. Vol. III: Symbols* (under the direction of Pierre Nora). NY: Columbia University Press: 609–637, 702–707.
- Ocampo, L.M. 2023. *Expert Opinion: Genocide against Armenians in 2023*. August 7. URL: https://luismorenoocampo.com/wp-content/uploads/2023/08/Armenia-Report-Expert-Opinion.pdf?utm_source=Web&utm_medium=Landing&utm_campaign=Downloads.
- Ohanian, S. 2019. The Passage of Van-Vaspourakan Refugees' Through Persia, March — August 1918 (Under the Leadership of Kosti Hambardzoumian and Levon Shaghoyan). *Review of Armenian Studies* 2: 30–45.
- Papazyan, Akop (comp.). 1990. *Van-Vaspurakani herosamartə — 75 [Heroic Self-defense of Van-Vaspurakan — 75]*. Yerevan: Hayastan.
- Perperian, N., Mahserch'ian, S. et al. 1978. *Herosapatum Mec Yegher 'ni [Героика Меу Егерна]*. Beirut: Azdak.
- Preliminary opinion on the situation in Nagorno-Karabakh and on the need for the international community to adopt measures to prevent atrocity crimes. 2023, August 23. URL: https://un.mfa.am/file_manager/un_mission/Preliminary%20Opinion%20-%2023.08.2023.pdf?fbclid=IwAR0Ydh2YB6zd2brS1mQRwUSuCIeSZDqODmB3Js3P5aDfywDIGzIoxthcUIA.
- Sahakyan, R. 2005. *Arevmtahayut 'yan ts'eghaspanut 'yunə yev inqnapashtpanakan kr'ivnerə 1915 t'vakandin [The Genocide of Western Armenians and self-defense battles in 1915]*. Yerevan: RA Academy of Sciences.
- Sahakyan, R. 2010. *Inqnapashtpanakan kr'ivnerə Arevmtyan Hayastanum 1915 t'vakandin yev HH Dashnaks'ut 'yunə [Self-defense battles in Western Armenia in 1915 and the Armenian Revolutionary Federation Dashnaksutyun]*. Yerevan.
- Senjkovic, Reana. 1993. In the Beginning there were a Coat of Arms, a Flag and a *Pleter*. L.C. Feldman, I. Prica, R. Senjkovic (eds). *Fear, Death and Resistance. An Ethnography of War: Croatia 1991–1992*. Zagreb: Institute of Ethnology and Folklore Research, Matrix Croatica, X-Press: 24–43.
- Schwartz, B. 1982. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory. *Social Forces* 61, 2 (December): 374–402.
- Sevak, P. 1982. *Neumolkaemaia kolokol'nia [The unceasing bell tower]*. Transl. into Russian G. Registan. M., Sovetskii pisatel'.
- Sevan, G. 1980. *Spyur 'qahay grakanut 'yan patmut 'yan urvagcer (1920–1945) [Essays on the history of Foreign Armenian literature]*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR.

- Simonyan, H. 2009. *Hayeri zangvacayin kotoracnerə Kilikiayum (1909 t. april)* [Массовые погромы армян в Киликии (апрель 1909 г.)]. Ереван: Изд-во Ереванского государственного университета.
- Staf, I., Zenkin, S. 1991. Gulian'ia na Manezhnoi: k poetike moskovskih manifestacii [Festivities on Manezhnaya Square: towards the Poetics of Moscow Demonstrations]. *Nezavisimaia gazeta*, 11 apr.
- Statement from a group of Genocide scholars on the Imminent Genocidal Threat deriving from Azerbaijan and Turkey against Artsakh (Nagorno-Karabakh). 2020. October 23. URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/23.10.2020.php>.
- Suny, R.G. 1993. *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Svazlyan, V. 1994. *Kilikiya: arevmtahayots banavor avandut'yunə* [Cilicia: The oral tradition of Western Armenians]. Yerevan: Gitutyun.
- Svazlyan, V. 1995. *Mec yegher'n: arevmtahayots banavor vkayut'unnerə* [Metz Yeghern: Oral testimonies of Western Armenians]. Yerevan: Gitutyun.
- Svazlyan, V. 2000. *Hayoc tseghaspanut'un: akanates verapoghneri vkayut'yunnerə* [The Armenian Genocide: testimonies of eyewitnesses who survived it]. Yerevan: Gitutyun.
- Svazlyan, V. 2003. *Hayoc tseghaspanut'unə ev patmakan hishoghut'yunə* [The Armenian Genocide and historical memory]. Yerevan: Gitutyun.
- Tatoyan, R. 2020. WWI Armenian Refugees Census Data as a Source for Ottoman Armenian Population Numbers on the Eve of the Armenian Genocide. *International Journal of Armenian Genocide Studies* 5, 1: 55–65.
- Torosyan, Sh. 1987. *Kilikiayi hayeri azgayin-azatagrakan sharzhumnerə 1919–1920 tt.* [National liberation movements of the Armenians of Cilicia in 1919–1920]. Yerevan: Yerevan State University.
- Yesaian, Z. 1911. *Averaknerun mej. Tiv 1* [Among the ruins, 1]. Constantinople.
- Zakarian, A. 1990. Sergei Rafalovich ob Armenii i armianah [Sergey Rafalovich about Armenia and Armenians]. *Vestnik obshchestvennyh nauk*, 2: 88–94.
- Zerubavel, E. 1996. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past. *Qualitative Sociology*, 19, 3: 283–299.

